

БИБЛИОТЕКА
ПРОИЗВЕДЕНИЯ
УДОСТОИНЕНА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БИБЛИОТЕКИ СССР

А. Джунуш

Азарт

Дементьев Андрей

Азарт

(сборник стихов)

Не замечаем, как уходят годы...

Не замечаем, как уходят годы,

Спохватимся,

Когда они пройдут.

И все свои ошибки и невзгоды

Выносим мы на запоздалый суд.

И говорим:

"Когда б не то да это,

Иначе жизнь мы прожили б свою..."

Но призывает совесть нас к ответу

В начале жизни,

А не на краю.

А жить бы так,

Как будто наступает

Тот самый главный,

Самый строгий суд.

Живите,

Словно дарите на память

Вы жизнь свою

Тем, что потом придут.

Воспоминания о доме

Глаза прикрою — вижу дом

И покосившуюся баню.

Туман над утренним прудом.

И нас, мальчишек, в том тумане.

В войну фашисты дом сожгли.

Лишь три избы в селе осталось.

Да пенье птиц, да зов земли.

И рядом бабушкина старость.

Как горько было на Руси!

Куда от памяти мне деться?!

Труба, черневшая вблизи,

Казалась памятником детству.

...Село отстроили давно.
Сады былые возродили.
Есть клуб, где крутится кино.
И старый пруд — в убранстве лилий.

Теперь до нашего села
Легко добраться — есть дорога.
Не та, что некогда была,
А голубой асфальт к порогу.

Как быстро годы пронеслись...
Домой иду под птичье пенье.
Другой народ. Иная жизнь.
Лишь в сердце прежнее волнение.
В что бы ни было потом,
И как сейчас здесь ни красиво, —
Глаза прикрою — вижу дом.
И говорю ему: "Спасибо!"

Подсолнух

Во ржи катились медленные волны.
За синим лесом собирался дождь.

Каким-то чудом
Озорник-подсолнух
Забрел по пояс в спящую рожь.

Он, словно шапку,
Тень на землю бросил,
Смотрел, как поле набиралось сил,
Навстречу чутким
Бронзовым колосьям
Едва заметно голову клонил.

Он бед не ждал.
Но этим утром светлым
Пришел комбайн — и повалилась рожь...
И то ль от шума,
То ль от злого ветра
По крупным листьям пробежала дрожь.

А комбайнер, видать, веселый малый,
Кричит:
— Эй, рыжий, отступи на шаг!—
И тот рванулся,
Да земля держала.
Не может ногу вытащить никак.

Он знать не знал, что в этот миг тревожный

Водитель вспомнил, придерживав штурвал,
Как год назад
Таким же днем погожим
Он поле это рожью засеивал.

Как счастлив был, что солнце плыло в небе,
Что пашня только начата почти,
Что с девушкой,
Стоявшей на прицепе,
Ему всю смену было по пути.

Вдруг, как назло,
Остановился трактор,
И, поперхнувшись, песню потушил...
— Отсеялись!—
Ругнулся парень.
— Так-то!
Видать, свинью механик подложил.

Он влез под трактор,
Поворчал уныло,
На миг забыв про спутницу свою.
И девушка-насмешница спросила:
— Ну, как там, скоро вытацишь свинью?—

А дела было самая-то малость.

И парень встал,
Скрывая торжество...
Она лущила семечки,
Смеялась
И озорно глядела на него.

И потому, что день был так чудесен,
Что трактор жил,—
Он улыбнулся вдруг,
Схватил девчонку,
Закружил на месте,
Да так,
Что только семечки из рук!

От глаз ее,
Еще испуга полных,
Свои не мог он отвести глаза...
Вот почему сюда забрел подсолнух,
Теплом руки спасенный год назад.

И вот дрожит он от густого гула,
Уже и тень на голову легла...

И вдруг машина в сторону свернула,
Потрогав листья,
Мимо проплыла.

* * *

Я ненавижу в людях ложь

Я ненавижу в людях ложь.

Она порой бывает разной:

Весьма искусной или праздной

И неожиданной, как нож.

Я ненавижу в людях ложь.

Ту, что считают безобидной,

Ту, за которую мне стыдно,

Хотя не я, а ты мне лжешь.

Я ненавижу в людях ложь.

Я негодую и страдаю,

Когда ее с улыбкой дарят,

Так, что сперва не разберешь.

Я ненавижу в людях ложь.

От лжи к предательству полшага.

Когда-то все решала шпага,

А нынче старый стиль негож.

Я ненавижу в людях ложь.
И не приемлю объяснений.
Ведь человек как дождь весенний.
А как он чист, апрельский дождь!

Я ненавижу в людях ложь.

Когда душа твоя устанет быть душой...

Когда душа твоя
устанет быть душой,
Стань безразличной
к горести чужой,
И майский лес
с его теплом и сыростью
Уже не поразит
своей неповторимостью.
Когда к тому ж
тебя покинет юмор,
А стыд и гордость
стерпят чью-то ложь, —
То это означает,
что ты умер...
Хотя ты будешь думать,
что живешь.

Люблю

Спускалась женщина к реке.

Красива и рыжеголова.

Я для нее одно лишь слово

Писал на выжженном песке.

Она его читала вслух.

"И я люблю..." — мне говорила.

И повторяла: "Милый, милый..."

Так, что захватывало дух.

Мы с ней сидели на песке.

И солнце грело наши спины.

Шумели сосны-исполины.

Грачи кричали вдалеке.

Я в честь ее стихи слагал.

Переплывал Быстрину нашу,

Чтобы собрать букет ромашек

И положить к ее ногам.

Она смеялась и гадала.

И лепестки с цветов рвала.
То ль клятв моих ей не хватало,
То ль суеверною была.

С тех пор прошло немало лет.
Глаза закрою вижу снова,
Как я пишу одно лишь слово,
Которому забвенья нет.

Встреча Пушкина с Анной Керн

А было это в день приезда.
С ней говорил какой-то князь.
"О боже! Как она прелестна!" —
Подумал Пушкин, наклонясь.

Она ничуть не оробела.
А он нахлынувший восторг
Переводил в слова несмело.
И вдруг нахмурился.
И смолк.

Она, не подавая вида,
К нему рванулась всей душой,

Как будто впрямь была повинна
В его задумчивости той.

— Что сочиняете вы ныне?
Чем, Пушкин, поразите нас?—
А он — как пилигрим в пустыне —
Шел к роднику далеких глаз.

Ему хотелось ей в ладони
Уткнуться. И смирить свой пыл.
— Что сочиняю?
Я... не помню.
Увидел вас —
И все забыл.

Она взглянула тихо, строго.
И грустный шепот, словно крик:
— Зачем вы так? Ну, ради Бога!
Не омрачайте этот миг...

Ничто любви не предвещало.
Полуулыбка. Полувзгляд.
Но мы-то знаем —
Здесь начало
Тех строк,
Что нас потом пленят.

И он смотрел замороженно
Вслед уходившей красоте.
А чьи-то дочери и жены
Кружились в гулкой пустоте.

О самом главном

Самое горькое на свете состояние —
одинокчество.

Самое длинное на земле расстояние —
то, которое одолеть не хочется.

Самые злые на свете слова:
"Я тебя не люблю".

Самое страшное — если ложь права,
а надежда равна нулю.

Самое трудное —
ожидание конца любви.

Ты ушла — как улыбка с лица,
и сердце считает шаги твои.

И все-таки я хочу самого страшного
и самого неистового хочу.

Пусть мне будет беда вчерашняя
и счастье завтрашнее по плечу...

Я хочу и болей, и радостей.
Я хочу свою жизнь прожить

Не в пол-сердца, не труся, не крадучись
Я взапой ее стану пить.

Я хочу ее полной мерою:
В руки, в сердце, в глаза и сны.

Всю—с надеждою и изменою,
Всю — от крика до тишины!

Опыт

Приходит опыт,
И уходят годы...
Оглядываясь на неровный путь,
Чему-то там я улыбаюсь гордо,
А что-то бы хотел перечеркнуть.

Все было в жизни —
Поиски и срывы...
И опыт постоянно мне твердит,
Что дарит мать птенцу
В наследство крылья,
Но небо за него не облетит.

Пусть юность и спешит, и ошибается.
Пусть думает
И рвется напролом...
Не принимаю осторожность паинек,
Входящих слепо в мир
С поводырем.

Георгий Тараторкин

озвучивает на киностудии

роль Раскольникова

Актер озвучивает роль,

где все решает слово.

Испуг, раскаянье и боль

В нем возникают снова.

И снова он в чужой судьбе, в чужих словах и мыслях.

Как будто вопреки себе

В чужую душу выслан.

Он прячет в голосе испуг —

Еще жива старуха...

И вдруг какой-то странный стук

Ворвался в запись глухо.

И все буквально сбились с ног,

Ища помеху эту...

И лишь один Георгий мог

Сказать им по секрету,

Что, возвратившись в роль опять,

Рискуя и страдая,

Не может сердце он унять,

Смирить его удары.

Стоял он бледен и смущен,
Высокий — в центре зала...
А сердце билось в микрофон,
Само себя играло.

И снова в кадре тот же стук:
На пленку пишут сердце.
О, сколько есть на свете мук,
Тех,
что страшнее смерти.

И вновь Раскольников молчит,
И в страхе прячет руки.
А тишина вокруг стучит
Подошвами старухи.

Он возвращается в свой дом.
В глазах тоска и стужа.
И сердце, словно метроном,
Отсчитывает ужас.

* * *

В любви мелочей не бывает...

В любви мелочей не бывает.

Все высшего смысла полно...

Вот кто-то ромашку срывает.

Надежды своей не скрывает.

Расставшись —

Глядит на окно.

В любви мелочей не бывает.

Все скрытого смысла полно...

Нежданно печаль наплывает.

Улыбка в ответ остывает,

Хоть было недавно смешно.

И к прошлым словам не взывает.

Они позабыты давно.

Так, значит, любовь убывает.

И, видно, уж так суждено.

В любви мелочей не бывает.

Все тайного смысла полно...

Песня к спектаклю

Горьких глаз твоих колдовство,
Как болезнь из меня выходит.
Возле имени твоего
Чуда в сердце не происходит.

Я прошел твою ворожбу
По своей, не по чьей-то воле.
Поменяли мою судьбу,
Как кассету в магнитофоне.

Доиграли мы до конца.
Перематывать — смыслы нету.
Тихий свет твоего лица
Лег печалью на ту кассету.

Неотправленное письмо

Твоим слезам доверья нет во мне.
Твои слова в воспоминания уходят.
И только там они сейчас в цене,
Поскольку в сердце места не находят.

Твоим глазам во мне доверья нет.

Как дальше быть двум обреченным душам?

И сколько б нас ни ожидало лет, —

Я остаюсь наедине с минувшим.

* * *

Ничего не вернешь...

Ничего не вернешь...

Даже малого слова.

Ни ошибок,

Ни радостей,

Ни обид.

Только кто-то окликнет меня из бывшего —

И душа замирает,

И сердце болит.

Мы когда-то о жизни своей загадали.

Да сгорели ромашки на прошлой войне.

Не мелели бы души,

Как речки, с годами...

Потому что душа

Постоянно в цене.

Ничего не вернешь...

Оттого все дороже

Переменчивый мир,
И морозы, и зной.
Мы судьбою не схожи,
Но памятью схожи.
А поэтому вы погрузите со мной.

Случай на охоте

Я выстрелил.
И вся земля
Вдруг визг собаки услышала.
Она ползла ко мне, скуля,
И след в траве тянулся алый.

Мне от вины своей не скрыться.
Как все случилось —
Не пойму.
Из двух стволов я бил в волчицу,
А угодил в свою Зурму.

Она легонько укусила
Меня за палец...
Может быть,
О чем-то жалуясь, просила
Иль боль хотела поделить.

Ах, будь ты проклята, охота!

И этот выстрел наугад.

Я все шептал ей:

— Что ты, что ты? —

Как будто был не виноват.

Зурма еще жива была,

Когда я нес ее в песчаник.

А рядом стыли два ствола,

Как стыла жизнь в глазах печальных.

Неосторожны мы подчас.

В азарте,

В гневе ли,

В обиде, —

Бьем наугад,

Друзей не видя.

И боль потом находит нас.

* * *

О благородство одиноких женщин...

О благородство одиноких женщин!

Как трудно женщиною быть.

Как часто надо

Через столько трещин
В своей судьбе переступить...

Все ставят женщине в вину:

Любовь,
Когда она промчится,
Когда с печалью обручится,
Оставив надолго одну
В воспоминанья погребенной...
А люди уж спешат на суд
И все — от клятв и до ребенка —
Словами злыми назовут.

И пусть...Зато она любила...

Где знать им,
Как она любила!
Как целовала —
Аж в глазах рябило,
Как встреч ждала,
Как на свиданья шла...
О, где им знать —
Как счастлива была!

Пускай теперь ей вспомнят

Все пророчества...
(Да, осторожность, —
Ты всегда права...)

Пускай ее пугают одиночеством.

А женщина целует руки дочери

И шепчет вновь

Счастливые слова.

* * *

Я не знаю, как тебя вернуть...

Я не знаю, как тебя вернуть...

Ты живешь в невидимой мне башне.

Только мне туда заказан путь,

Как нельзя вернуться в день вчерашний.

Я ту башню как-нибудь разрушу.

Да не поднимается рука:

Все боюсь твою поранить душу —

Больно эта башенка хрупка.

Ты мне не оставила ни шанса,

Все решив и рассудив сама.

Только чем бы там ни утешаться,

Все же одиночество — тюрьма.

Вот мы в одиночках и томимся.

Ты в печальной башне из обид.
Я — поодаль...
С постоянством сфинкса,
Что в одну лишь сторону глядит.

* * *

Я тебя теряю...

Я тебя теряю —
Как лес теряет музыку,
Когда в него приходят холода.
Моей душе —
Пожизненному узнику —
Из памяти не выйти никуда.

Я тебя теряю —
Как дом теряет небо,
Когда окно зашторивает дождь.
И будущее наше, словно ребус:
Я не прочту.
И вряд ли ты прочтешь.

* * *

Спасибо за то, что ты есть...

Спасибо за то, что ты есть.

За то, что твой голос весенний

Приходит, как добрая весть

В минуты обид и сомнений.

Спасибо за искренний взгляд:

О чем бы тебя ни спросил я —

Во мне твои боли болят,

Во мне твои копятся силы.

Спасибо за то, что ты есть.

Сквозь все расстоянья и сроки

Какие-то скрытые токи

Вдруг снова напомнят — ты здесь.

Ты здесь, на земле. И повсюду

Я слышу твой голос и смех.

Вхожу в нашу дружбу, как в чудо.

И радуюсь чуду при всех.

Музыка

Послушайте симфонию весны.

Войдите в сад,
Когда он расцветает,
Где яблони,
Одетые цветами,
В задумчивость свою погружены.

Прислушайтесь...

Вот начинают скрипки
На мягких удивительных тонах.
О, как они загадочны и зыбки,
Те звуки,
Что рождаются в цветах!

А скрипачи...

Вон сколько их!
Взгляните...
Они смычками зачертили сад.
Мелодии, как золотые нити,
Над крыльями пчелиными дрожат.

Здесь все поет...

И ветви, словно флейты,
Неистово пронзают синеву...

Вы над моей фантазией не смейтесь.
Хотите, я вам «ля мажор» сорву?

Зависть белой не бывает...

Зависть белой не бывает.
Зависть свет в нас убивает.
Ну а то, кто ею болен, —
У того душа темна,
И в поступках он не волен,
Ибо всем вершит она.

Мы смирились с тем, что зависть
Судит всех без доказательств.
Ей достаточно улик —
Этот счастлив.
Тот велик.

И чужой судьбою мучась,
Умирая от обид,

Все надеется на случай,
Что когда-нибудь получит
То,
Что ей в других претит.

Торжокские золотошвеи

Смотрела крепостная мастерица
На вышитую родину свою...
То ль серебро,
То ль золото искрится,
То ли струятся слёзы по шитью.

И лишь ночами вспоминала грустно,
Как бьётся лебедь в лапах у орла.

Откуда же пришло твоё искусство?
Чьим колдовством помечена игла?

А было так:

Проснувшись на печи,
Крестьянка вдруг почувствовала
Солнце,
Когда сквозь потемневшее оконце

Пробились к ней весенние лучи.

Как нити золотые,

Всю избу

Они прошили радостным узором.

Она смотрела воскрешенным взором

И утро принимала за судьбу.

Всё в ней дрожало

Волновалось.

Млело.

И белый свет —

Как россыпи огней.

Она к оконцу оглушённо села...

И вот тогда

Пришло искусство к ней.

Пришло от солнца,

От надежд, —

Оттуда,

Где ничего нет ближе красоты.

Она в иголку вдела это чудо,

Ниспосланное небом с высоты.

И не было прекраснее товара

На ярмарках заморских, чем её.

Она надежду людям вышивала,

И горе,

И отчаянье своё.

Что видела —

На шёлк переносила.

И много лет ещё пройдёт,

Пока

Свободной птицей

Спустится Россия

На синие

Счастливые шелка.

* * *

Когда отпустит мне судьба...

Гале

Когда отпустит мне судьба

Последние три дня,

На миг забуду я тебя,

Но ты прости меня.

Свой первый день — один из трех —

Друзьям своим отдам.

Пусть в дом придет веселый смех

С раздумьем пополам.

С детьми второй день проведу,
Я очень виноват
За то, что много дней в году
Далек был от ребят.

А свой последний, третий день
Пробуду я с тобой,
Чтоб не узнала ты меж дел,
Что жизнь дает отбой.

Чтоб было все с тобой у нас,
Как много лет назад:
В последний раз,
Как в первый раз, —
Улыбка, слово, взгляд.

Хочу, чтоб я с собой унес
Сокровища двоих.
Не соль и горечь тихих слез,
А сладость губ твоих.

Чтобы навек в родных глазах —
(Ты забывать не смей!) —
Не боль осталась и не страх,

А свет любви моей.

* * *

На море памятников нет...

На море памятников нет.

Но море излучает свет —

Свет памяти...

Он не исчезнет,

Как боль в словах,

Как слезы в песнях,

Когда они посвящены

Невозвратившимся с войны...

Отец

Отец мой сдаёт.

И тревожная старость

Уже начинает справлять торжество.

От силы былой так немного осталось.

Я с грустью смотрю на отца своего.

И прячу печаль,
И смеюсь беззаботно,
Стараясь внезапно не выдать себя...
Он, словно поняв,
Поднимается бодро,
Как позднее солнце
В конце октября.

Мы долгие годы в разлуке с ним были.
Старались друг друга понять до конца.
Года, как тяжелые камни, побили
Весёлое, доброе сердце отца.

Когда он идёт по знакомой дороге
И я выхожу, чтобы встретить его,
То сердце сжимается в поздней тревоге.

Уйдёт...
И уже впереди никого...

* * *

Как руки у вас красивы...

Как руки у вас красивы!
Редкостной белизны.
С врагами они пугливы,
С друзьями подчас нежны.

Вы холите их любовно,
Меняете цвет ногтей.
А я почему-то вспомнил
Руки мамы моей.

Упрека я вам не сделаю,
Вроде бы не ко дню.
Но руки те огрубелые
С вашими не сравню.

Они теперь некрасивы,
А лишь, как земля, темны.
Красу они всю России
Отдали в дни войны.

Все делали — не просили
Ни платы и ни наград.
Как руки у вас красивы!
Как руки мамы дрожат...

* * *

Я хотел тебе лес показать...

Я хотел тебе лес показать.

Он таинственен — только бы слушать.

Даже боязно слово сказать,

Словно можно в нем что-то нарушить.

Я хотел, чтоб в его волшебство

Ты неслышно вошла на мгновенье.

И прощальную песню его

Положила к себе на колени.

Чтоб потом — где бы ты ни была —

Этот лес никогда не забыла.

Ни прохлады его, ни тепла,

Ни его золотого настила.

Чтобы в сердце хранился покой

И молчание сосен и елей,

Словно ты дотянулась рукой

До зеленой его колыбели.

Беловежская пуца

Изба смотрела на закат,
Дыша озёрной сыростью.
Здесь жил великий мой собрат,
Волшебник божьей милостью.

Он околдовывал зарю,
Купавшуюся в озере.
Он ей шептал:
— Я повторю
Твое виденье в образе...

Но, чьим-то именем томим,
Не помнил об обещанном.
Заря, обманутая им,
Бледнела, словно женщина.

И погружался мир во тьму.
И сквозь его видения
Являлась женщина ему.
А может, только тень ее.

Не говорила, не звала,
Лишь грустно улыбалась.

Наверно, Музою была

И потому являлась.

Монологи Ф. И. Тютчева

Когда писались эти строки, я думал о прекрасной и трагической любви Федора Ивановича Тютчева к Елене Александровне Денисьевой.

1

Кого благодарить мне за тебя?

Ты слышишь,

В небе зазвучала скрипка?

В печальном листопаде октября

Явилась мне твоя улыбка.

Явилась мне улыбка,

Как рассвет.

А как прекрасны мысли на

Рассвете!

И я забыл,

Что прожил

Столько лет

И что так мало

Ты живешь на свете.

Но что года?

Их медленный недуг
Я излечу
Твоей улыбкой нежной.
И возле чёрных глаз
И белых рук
Я чувствую биенье
Жизни вешней.

Кого мне за тебя благодарить?

Судьбу свою
Или нежданный случай?
И если хочешь
Жизнь мою продлить
И веруй,
И люби меня,
И мучай.

2

Выхода нет.

Есть неизбежность.

Наша любовь —

Это наша вина.

Не находящая выхода

Нежность

На вымирание обречена.

Выхода нет.

Есть безнадежность
И бесконечность
Разомкнутых рук.
Мне подарил твою нежность
Художник,
Чтобы спасти меня
В годы разлук.

Видимо, ты опоздала родиться,
Или же я в ожиданье устал.
Мы —
Словно две одинокие птицы —
Встретились в небе,
Отбившись от стай.

Выхода нет.
Ты страдаешь и любишь.
Выхода нет.
Не могу не любить.
Я и живу-то ещё
Потому лишь,
Чтобы уходом
Тебя не убить.

3

Сквозь золотое сито
Поздних лиственниц

Процеживает солнце тихий свет.

И всё, что —

Ты, —

Всё для меня

Единственно.

На эту встречу

И на много лет.

О, этот взгляд!

О, этот свет немеркнущий!

Молитву из признаний

Сотворю.

Я навсегда душой

И телом верующий

В твою любовь

И красоту твою.

4

Прости, что жизнь прожита...

И в этот осенний вечер

Взошла твоя красота

Над запоздавшей встречей.

Прости, что не в двадцать лет,

Когда всё должно случиться,

Я отыскал твой след
У самой своей границы.

Неистовый наш костёр
Высветил наши души.
И пламя свое простёр
Над будущим и минувшим.

Прости, что жизнь прожита
Не рядом... Но мне казалось,
Что, может, и жизнь не та...
А та, что ещё осталась?

* * *

Собственности нет на красоту...

Собственности нет на красоту.

Собственности нет на красоту.

Никакой —

Ни личной, ни общественной.

Будь она природой или женщиной,

Собственности нет на красоту.

На деревьях грустных снег лежит.

Он в окне — как будто фотоснимок.

Красота его необъяснимая

Лишь глазам принадлежит.

Пусть она восходит над людьми

Милым ликом иль рассветом ранним.

Красотой мы наши души раним,

Чтобы стать раннее в любви.

Собственности нет на красоту.

Нашим клятвам

Поздним или давним

Я твою улыбку предпочту

И останусь с красотой бесправным.

Ни о чем не жалеете

Никогда ни о чём не жалеете вдогонку,

Если то, что случилось нельзя изменить.

Как записку из прошлого, грусть свою скомкав,

С этим прошлым порвите непрочную нить.

Никогда не жалеете о том, что случилось.

Иль о том, что случиться не может уже.
Лишь бы озеро вашей души не мутилось
Да надежды, как птицы, парили в душе.

Не жалейте своей доброты и участия,
Если даже за все вам — усмешка в ответ.
Кто-то в гении выбился, кто-то в начальство...
Не жалейте, что вам не досталось их бед.

Никогда, никогда ни о чём не жалейте.
Поздно начали вы или рано ушли.
Кто-то пусть гениально играет на флейте.
Но ведь песни берёт он из вашей души.

Никогда, никогда ни о чём не жалейте.
Ни потерянных дней, ни сгоревшей любви.
Пусть другой гениально играет на флейте.
Но еще гениальнее слушали вы.

Баллада о любви

— Я жить без тебя не могу,
Я с первого дня это понял...
Как будто на полном скаку

Коня вдруг над пропастью поднял.

— И я без тебя не могу.

Я столько ждала! И устала.

Как будто на белом снегу

Гроза мою душу застала.

Сошлись, разминутись пути,

Но он ей звонил отовсюду.

И тихо просил: «Не грусти...»

И тихое слышалось: «Буду...»

Однажды на полном скаку

С коня он свалился на съемках...

— Я жить без тебя не могу,—

Она ему шепчет в потемках.

Он бредил... Но сила любви

Вновь к жизни его возвращала.

И смерть уступила: «Живи!»

И все начиналось сначала.

— Я жить без тебя не могу...—

Он ей улыбался устало,

— А помнишь на белом снегу

Гроза тебя как-то застала?

Прилипли снежинки к виску.

И капли росы на ресницах...

Я жить без тебя не смогу,

И значит, ничто не случится.

Вечерний пейзаж

Зелёный водопад плакучих ив

Беззвучно ниспадает в гуще сада.

Не от него ли так легка прохлада?

Не потому ли вечер так красив?

И очень жаль, что рядом нет тебя,

Что эту красоту ты не увидишь.

Вон тополь встал —

Как будто древний витязь,

Поводья еле слышно теребя.

Вот выкована ель из серебра —

Таких красивых не встречал я сроду.

О, как бы ни любили мы природу,

Нам век не оплатить ее добра.

Благословляю тихий звон дубрав
И красоту, что вновь неповторима.
Мне в сердце проливается незримо
Покой деревьев и доверье трав.

Мы все в гостях у этой красоты.

Приходим в мир —
Её любить и помнить.
Потом однажды —
Утром или в полночь —
Уйдём,
Оставив легкие следы.

Тверское воспоминание

* * *

Всего лишь день,
Всего лишь ночь
Остались нам до встречи.
Но эти сутки превозмочь
Двум нашим душам нечем.

Я выйду на угол Тверской
В назначенное место.
И ты мне издали рукой
Махнёшь,

Как в день отъезда.

На этом памятном углу
Средь гомона людского
Я вновь поверить не смогу,
Что ты вернулась снова.

Что снова всё со мной сейчас:

Твоя улыбка.
Голос...
Тревожный свет
Счастливых глаз
И тихая веселость.

Минуты,
Дни
Или года
Промчатся в этот вечер.
Любовь одна.
И жизнь одна.
И ночь одна
До встречи.

* * *

Под тихий шелест падавшей листвы
Мы шли вдвоём

Сквозь опустевший город.
Ещё с тобою были мы на «вы».
И наша речь —
Как отдалённый говор
Реки,
Что тосковала вдалеке.
Мы ощущали грусть её и свежесть.
Глаза твои —
В неясном холодке...
И я с тобою бесконечно вежлив.

Но что-то вдруг в душе произошло,
И ты взглянула ласково и мило.
Руки твоей прохладное тепло
Ответного порыва попросило.

И что случилось с нами —
Не пойму.
Охвачена надеждой и печалью,
Доверилась ты взгляду моему,
Как я поверил твоему молчанью.

Еще мне долго быть с тобой на «вы».
По главное уже случилось с нами:
Та осень дождалась моей любви.
Весна ещё ждала твоих признаний.

* * *

Я пришёл в тот дом, где ты жила.

Всё полно тобою в этом доме.

Как улыбка —

Комната светла.

И цветы прохладны,

Как твои ладони.

В комнате витает аромат,

Что меня так волновал при встречах.

В память наших будущих утрат

Разреши зажечь мне эти свечи.

Все как будто здесь знакомо мне:

Телефон,

Что нам дарил друг друга,

Кресло, отодвинутое в угол,

И пейзаж в распахнутом окне.

Розы для тебя поставлю в вазу.

Оживит их теплый свет дневной.

И хотя я не был здесь ни разу,

Ты была здесь счастлива со мной.

Дом тебе мой передаст привет.

Оглянусь с печального порога...

Хочется побыть еще немного

Около тебя,

Хотя тебя здесь нет...

* * *

Что делать...

Мы столько с тобой расставались!

У встреч и разлук

Заколдованный круг.

Как раненый город

Встаёт из развалин,

Так мы возрождались

С тобой из разлук.

И если куда-нибудь

Вновь улетаю,

Мне кажется —

Я возвращаюсь к тебе:

В тот город,

Где улицы снег заметает.

В тот город,

Где розы цветут в октябре.

Хотя ты навряд ли

Тот город увидишь,
И я в нём, наверно,
Единственный раз, —
Всё кажется мне —
Ты навстречу вдруг выйдешь
В условленном месте,
В условленный час.

* * *

Здравствуй, наш венчальный город!
Давний свет в твоём окне.
Я целую землю, по которой
Столько лет ты шла ко мне.

Как давно всё было это!
То ли жизнь, то ль день назад...
Тем же солнцем даль согрета.
Так же светел листопад.

Погрущу в пустынном сквере,
Посижу на той скамье,
На какой-то миг поверив,
Что ты вновь придёшь ко мне.

Ты придёшь и скажешь:
— Здравствуй!

— Не забыла? — я спрошу
И сиреневые астры
На колени положу.

"Боже мой, какая прелесть!"
И на несколько минут,
От твоей улыбки греясь,
Астры ярче зацветут.

К сожаленью, день не вечен.
Мы весь день проговорим,
Словно жизнь свою той встречей
Незаметно повторим.

* * *

Чего ты больше ей принёс...

Чего ты больше ей принёс
Нежданных радостей иль слёз?
Печали тихой перед сном,
Когда так пуст бывает дом?
Когда подушка горяча
И горяча рука во тьме,
И нет любимого плеча,
Чтобы забыться в сладком сне?

Чего ты больше ей принёс
Переживаний или грёз?
Веселой нежности любви?
Иль одиночества с людьми?
Весенних гроз
Иль стылых вьюг?
Иль бесконечности разлук?
Чего ты больше ей принёс?
Себя ты спросишь в сотый раз.
И вновь забудешь свой вопрос
Вблизи её счастливых глаз,
В медовом запахе волос...
Чего ты больше ей принёс?

* * *

Три сладостных момента...

Три сладостных момента

У любви.

Ты, покраснев, сказала:

— Назови. —

Я назову.

Вначале ожиданье

Любви.

Потом сама любовь.

А вслед за ней

Придут воспоминанья,

Когда мы всё
Переживаем вновь.

Промчится жизнь...
Любовь в былое канет.
Всё испытай
И всё переживи.
Но никогда
Нас не покинет память —
Воспоминанье
О былой любви.

Монолог врубеля

Даже если ты уйдёшь,
Если ты меня покинешь,
Не поверю в эту ложь,
Как весной в белый иней.

Даже если ты уйдёшь,
Если ты меня покинешь,
О тебе напомнит дождь,
Летний дождь и сумрак синий.

Потому что под дождём
Мы счастливые ходили.
И гремел над нами гром.
Лужи ноги холодили.

Даже если ты уйдёшь,
Если ты меня покинешь,
Прокляну тебя... И всё ж
Ты останешься богиней.

Ты останешься во мне,
Как икона в божьем храме,
Словно фреска на стене,
Словно алой розы пламя.

И пока я не умру,
Буду я тебе молиться
По ночам и поутру,
Чтоб хоть раз тебе присниться.

Чтоб проснулась ты в слезах

И, как прежде, улыбнулась...

Но не будет знать мой прах,

Что любимая вернулась.

Воспоминание об осени

Какая спокойная осень...

Ни хмурых дождей, ни ветров.

Давай всё на время забросим

Во имя далёких костров.

Они разгораются где-то...

За крышами нам не видать.

Сгорает в них щедрое лето.

А нам ещё долго пылать.

И может быть, в пламени этом

Очистимся мы до конца.

Прозрачным ликующим светом

Наполнятся наши сердца.

Давай всё на время оставим

Дела городские и дом.

И вслед улетающим стаям

Прощальную песню споём.

Нам будет легко и прекрасно

Листвой золотою шуршать.

И листьям,

Как ласточкам красным,

В полёте не будем мешать.

И станет нам близок и дорог

Закат,

Уходящий во тьму.

И новым покажется город,

Когда мы вернемся к нему.

В саду

Вторые сутки

Хлещет дождь.

И птиц как будто

Ветром вымело.

А ты по-прежнему

Поёшь, —

Не знаю,

Как тебя по имени.

Тебя не видно —
Так ты мал.
Лишь ветка
Тихо встрепенётся...
И почему в такую хмарь
Тебе так весело поётся?

Перед разлукой

Как беден наш язык!
Где мне слова найти,
Чтоб в этот горький миг
Нам силы обрести?

Чтоб в этот горький миг
Сквозь самолётный гул
Твой приглушенный крик
Нас в прошлое вернул.

Во мне слова стоят
Как мачты на земле.
И сотни киловатт
Пронесаются во мне.

И скрытый в сердце ток
Невысказанных слов —
Как затаённый вздох,
Когда не надо слов.

И в этот горький миг
Понятно лишь двоим,
Что человек велик
Страданием своим.

* * *

Когда тебя я обнимаю трепетно...

О, как убийственно мы любим... Ф. И. Тютчев

Когда тебя я обнимаю трепетно,
В душе моей творится волшебство:
Весь мир куда-то исчезает временно.
И ты не скоро возвратишь его.

Я уношу тебя в своё безумие
Где каждый миг и вздох неповторим.
И может быть, молчание Везувия
Ничто перед молчанием твоим.

О, этот взгляд!

О, этот свет немеркнущий!

Молитву из признаний сотворю.

Я навсегда душой

И телом верующий

В твою любовь

И красоту твою.

Читая Навои

Три времени года —

Всего лишь три дня.

Три дня —

Всё богатство моё.

Весной —

В первый день

Ты была для меня,

Надеждой и светом её.

Второй день

Ты — летом была для меня

Пылающим зноем любви.

И всё трепетало в тебе от огня:

И губы, и руки твои.

День третий в слезинке твоей задрожал

Ты — осенью стала моей.

С прощальной силою вспыхнул пожар

Любви и печали твоей.

А после для нас наступила зима —

Разлука на много годов.

И оба с тобою сошли мы с ума

От горьких её холодов.

Молитва Шопена

В небе звёздные россыпи.

Тихий голос в ночи.

Пощади меня, Господи,

От любви отлучи.

Наша сказка вечерняя

Завершает свой круг.

Отлучи от мучения

Предстоящих разлук.

И меж синими соснами
Мы простимся навек.
Пощади меня, Господи,
Погаси этот свет.

Пусть все в жизни нарушится
И потухнет душа.
Отлучи от минувшего,
Чтобы боль отошла.

От улыбки божественной
И от слёз отучи.
От единственной женщины
Отлучи...

После нас

А. Вознесенскому

Всё будет так же после нас.
А нас не будет.

Когда нам жизнь сполна воздаст,
У мира не убудет.

По небу скатится звезда
Слезой горючей.
И не останется следа.
Обычный случай.

Я вроде смерти не боюсь,
Хотя нелепо
Порвать загадочный союз
Земли и неба.

Пусть даже ниточкой одной,
Едва заметной,
Став одинокой тишиной
Над рощей летней.

Негромкой песней у огня,
Слезю поздней...
Но так же было до меня.
И будет после.

И всё ж расстаться нелегко

Со всем, что было.

И с тем,

Что радостно влекло

И что постыло.

Но кто-то выйдет в первый раз

Вновь на дорогу.

И листья сбросит старый вяз

У наших окон.

Всё будет так же после нас.

И слава богу.

Признаний миг

Своё томление любви,

Свою тоску в далёких стенах,

И страсть,

И горести свои

Мне завещали предки в генах.

Недолюбившие тогда
Иль обойдённые любовью,
Их души вновь через года
Я воскресил своею кровью.

Всепоглощающая страсть,
Пришедшая из дальней дали,
Не даст ни вознестись,
Ни пасть
В миг торжества
И в час печали.

И я не в силах совладать
С тем необузданным порывом,
Когда шепчу в ночи опять
Слова любви
Глазам счастливым.

Всё перепуталось во мне
Признаний миг,
И боль преданий,

И слёзы счастья в тишине,
И чей-то шепот
Дальний, дальний...

* * *

Живу то будущим...

Живу то будущим,

То прошлым.

Вспоминаньем

И мольбой.

Я без тебя

Сто жизней прожил.

И лишь мгновенье

Был с тобой.

Два лебедя

Отбились лебеди от стаи.

Вдвоём остались в небесах.

С дороги сбились и устали.

И в сердце к ней

Прокрался страх.

Внизу была земля чужая,
Пустыня без глотка воды.
И песня в горле задрожала,
Как плач в предчувствии беды.

Чуть-чуть поднялся он над нею
И вновь позвал её вперед.
Он был мудрее и сильнее.
Он знал
Лишь небо их спасет.

И, забывая про усталость,
Рванулись белые крыла.
Она уже с собой рассталась...
Но с ним расстаться не могла.

Дар

Красота —
Неповторимый дар.
Подари мне
Добрый взгляд

На память.

Как идёт твоим глазам

Загар.

И к улыбке так идёт

Румянец.

Из метро

Ты поднялась

Наверх,

Белая берёзка

Среди верб.

Подари мне

Свой счастливый смех.

Окажи мне

Княжескую милость:

Если можешь

Обними при всех,

Убеди,

Что ты мне не приснилась.

Найди свою радость

— Чужому успеху

Завидовать грех...

Когда-то мне дед говорил.

Прекрасная песня

Ведь это для всех.

Спасибо тому,

Кто её подарил.

Чужая удача

Вам сил не придаст,

Коль зависть

Вам душу горчит.

И чей-то успех

Не обрадует вас.

Простите,

Скорее он вас огорчит.

Написан роман.

Установлен рекорд.

Неважно, что автор не ты.

Над залом звучит

Гениальный аккорд.

Он ждёт

И твоей доброты.

* * *

В твоих глазах такая грусть...

В твоих глазах такая грусть...

А я намеренно смеюсь,

Ищу весёлые слова, —

Хочу тебя вернуть из прошлого.

Ты не забыта и не брошена.

Ты незамужняя вдова.

Я знаю: он разбился в Вишере —

Твой автогонщик, твой жених.

Теперь живёшь ты за двоих.

А все, кто рядом, —

Третьи лишние.

Но двадцать лет — ещё не возраст.

Ещё не плата за беду.

Ещё в каком-нибудь году

Тебя вернёт нам чей-то возглас...

Ты обернёшься.

И тогда

Вдруг вспомнишь —

Как ты молода...

Когда любовь уходит

Когда любовь навек уходит,
Будь на прощанье добрым с ней.
Ты от минувшего свободен,
Но не от памяти своей.

Прошу тебя,
Будь благороден.
Оставь и хитрость и враньё.
Когда любовь навек уходит,
Достоинно проводи её.

Достоин будь бывшего счастья,
Признаний прошлых и обид.
Мы за бывшее в настоящем
Должны оплачивать кредит.

Так будь своей любви достоин,
Пришла или ушла она.
Для счастья
Все мы равно стоим.
У горя —
Разная цена.

Раненый орел

Н. Кабулу

Я к друзьям приехал в гости.

Горы, воздух...

Синий край.

И над быстрой речкой мостик

Что твоя дорога в рай.

Здесь у речки

Утром ранним

Мы увидели орла.

Кем-то был он подло ранен:

В пятнах крови

Полкрыла.

Не за то ль орёл наказан,

Что так верен небесам?

Он смотрел зелёным глазом,

Полным ненависти к нам.

Мы с орлом вернулись к дому,

Оказав владыке честь...

Всё он понял по-другому,

Отказался пить и есть.

Мы снесли его к подножью,
В голубую круговерть.
В небо он взлететь не может,
Может рядом умереть.

Но, взглянув на нас без гнева,
Он поднялся тяжело
И пошел пешком на небо,
Волоча свое крыло.

Шёл орёл осиротело,
Клювом мясо рвал с крыла,
Будто выклевывать хотел он
Боль, что тоже в небо шла.

Только там он может выжить
Иль погибнуть в синеве...

Он успел на память вышить
Строчку красную в траве.

Дом художника

Мы встретились в доме пустом.
Хозяин нас ждал и уехал,
Оставив нам праздничный стол,
Души своей доброе эхо.

Мы были гостями картин,
Пророчеств чужих и сомнений.
Сквозь сумрак тяжелых гардин
К нам день пробивался осенний.

Весь вечер и, может быть, ночь
Картины нам свет излучали.
Как будто хотели помочь
В былой и грядущей печали.

Как будто бы знали они,
Что мы расstaёмся надолго.
И ты мне сказала:
— Взгляни,
Как горестны эти полотна...
Наверно, он нас рисовал.
И нашу тоску в дни разлуки...

Я слёзы твои целовал
Сквозь грустные тонкие руки.

Мы в доме прощались пустом.

На улице солнце сияло.

И долгим печальным крестом

Окно нас с тобой осеняло.

* * *

Всё должно когда-нибудь кончаться...

Всё должно когда-нибудь кончаться.

Жизнь верна законам бытия.

Всё быстрее мои годы мчатся,

Всё прекрасней молодость твоя.

Перемножу прожитые годы

На свою любовь и на твою,

Пусть скупы лимиты у природы,

Я тебя стихами повторю.

Уход

Я прощаюсь с тобой...

Ухожу.

Я целую твои онемевшие руки.

И сквозь боль
Улыбнусь твоему малышу
Лишь один он
Спасти тебя может в разлуке...

Я прощаюсь с тобой...
Ухожу.
Шаг до двери,
О, как он мучительно труден!
Всё, что было у нас
Я в себе уношу.
В жизни той
Ничего уже больше не будет.

Мы опять остаёмся с тобою одни.
Ухожу из судьбы твоей
В горькую память.
Ты в былое вернись,
В те венчальные дни,
Когда словом своим
Я не мог тебя ранить.

Оглянусь ещё раз...
Ты стоишь у окна,
Словно памятник

Нашей любви и печали.

И кончается жизнь

Для тебя и меня,

Потому что любовь у нас

В самом начале.

Позднее счастье

Прекрасна жизнь,

Но слишком коротка,

Как поздно нас порой любовь находит.

Вот к другу моему издалека

Пришла любовь,

А годы на исходе.

И жизни не хватило на неё,

Как солнца — зимам,

Соловьям — черемух.

Что юность возвращается

Враньё!

Не перепрыгнуть пропасть

В два приёма.

А потому

Две жизни на двоих.

И никаких надежд и обещаний.

И всё-таки я радуюсь за них.

Влюбившихся друг в друга

На прощанье.

* * *

Нет женщин нелюбимых...

Нет женщин нелюбимых,

Невстреченные есть...

Проходит кто-то мимо,

Когда бы рядом сесть.

Когда бы слово молвить,

И всё переменить.

Былое

Светом молний,

Как плёнку, засветить.

Нет нелюбимых женщин.

И каждая права.

Как в раковине жемчуг,

В душе любовь жива.

Всё в мире поправимо
Лишь окажите честь...
Нет женщин нелюбимых,
Пока мужчины есть.

Рождение дня

Когда восходит солнце
И над морем
Всё небо заливают синева,
Мы звукам пробужденья
Молча вторим
В предчувствии чудес
И волшебства.

И музыка прозрачная струится,
Пронзает нас
И уплывает вдаль.
И мы с тобой
Как две большие птицы.
Иль как одна нежданная печаль.

Я к небу вновь протягиваю руки.

И ты душой к нему устремлена.
И мир вокруг
Лишь голоса да звуки,
Как будто вся природа влюблена.

Прекрасный мир;
Бессмертное мгновенье.
Соединенье душ, рождение дня.
И волны бьют,
Отсчитывая время,
Которое несётся сквозь меня.

И море вдруг предстанет на минуту
Загадочным ожившим существом...
Ловлю себя на мысли,
Что как будто
С тобою мы
Вторую жизнь живем.

* * *

А мне приснился сон...

И. Л. Андроникову

А мне приснился сон,
Что Пушкин был спасён
Сергеем Соболевским...
Его любимый друг
С достоинством и блеском
Дуэль расстроил вдруг.
Дуэль не состоялась.
Остались боль и ярость.
Да шум великосветский,
Что так ему постыл...
К несчастью, Соболевский
В тот год в Европах жил.

А мне приснился сон,
Что Пушкин был спасён...
Всё было очень просто:
У Троицкого моста
Он встретил
Натали.
Их экипажи встали.
Она была в вуали
В серебряной пыли.
Он вышел поклониться,
Сказать
Пускай не ждут.
Могло всё измениться
В те несколько минут.
К несчастью,

Натали

Была так близорука,
то, не узнав супруга,
Растаяла вдали.

А мне приснился сон,
Что Пушкин был спасён...
Под дуло пистолета,
Не опуская глаз,
Шагнул вперёд
Данзас
И заслонил поэта.
И слышал только лес,
Что говорит он другу...
И опускает руку
Несбывшийся
Дантес.
К несчастью, пленник чести
Так поступить не смел.
Остался он на месте.
И выстрел прогремел.

А мне приснился сон,
Что Пушкин был спасён...

Сегодняшний день

Чтобы сердце минувшим не ранить

И не жечь его поздним огнём,

Не будите уснувшую память,

А живите сегодняшним днём.

Вас судьба одарила любовью,

Осенила волшебным крылом?

Не гадайте,

Что ждёт вас обоих,

А живите сегодняшним днём.

Как прекрасно

Двум родственным душам

В целом мире остаться вдвоём.

Не терзайтесь былым

И грядущим,

А живите сегодняшним днём.

Место встречи

В этом мире бесконечном

Как друг друга мы нашли?
Я спешу к тебе навстречу.
Место встречи — "Жигули".

Ты со мною сядешь рядом.
Мы уедем от людей,
Наш колесный домик спрятав
В тёмном омуте ветвей.

Торжествуя и печалась
И боясь встревожить нас,
Где-то время мимо мчалось,
В нас навек остановясь.

Мы простимся у подъезда.
Вспыхнет свет на этаже.
Увезу пустое место.
С пустотою на душе.

Две жизни

Две жизни вместил

Тот единственный вечер.

Простясь, мы надеялись

Встретиться вновь.

Счастливой случайностью

Может быть встреча.

И лишь не бывает случайной

Любовь.

И не был случаен

Тот маленький повод

Тебе позвонить

В тот заснеженный день.

Замкнул наши души

Невидимый провод,

Невидимый ток

Двух влюблённых людей.

Случайной не может быть

Необходимость,

Когда невозможно

Минуты прожить

Без той, кого сердце

Назвало любимой,

Без той, кого надо ещё заслужить.

* * *

Если что-нибудь случится...

Если что-нибудь случится
И расстаться суждено,
Обернусь однажды птицей,
Постучусь в твоё окно.

Ты подумаешь, что ветер,
Или ветка, или дождь,
Иль, кого-то заприметив,
Вновь к окошку подойдёшь.

Полыхнёт в глаза зарница.
Отпылает тишина.
И загадочная птица
стрепенётся у окна.

И душе тревожно станет,
Будто что произошло.
И предчувствий не обманет
Промелькнувшее крыло.

* * *

Мужские слёзы дефицит...

Мужские слёзы дефицит...

У женщин проще со слезами.

Они то плачут от обид,

То над письмом,

То в кинозале.

Не знаю

Верить ли слезам?

Но сомневаться я не смею,

Что слёзы помогают нам

Быть к людям чуточку добрее.

Бабушка Лермонтова

Елизавета Алексеевна Арсеньева

Внука своего пережила...

И четыре чёрных года

Тень его

Душу ей страдальческую жгла.

Как она за Мишеньку молилась!
Чтоб здоров был
И преуспевал.
Только бог не оказал ей милость
И молитв её не услышал.

И она на бога возроптала,
Повелев убрать из комнат Спас.
А душа её над Машуком витала:
"Господи, почто его не спас?!"

Во гробу свинцовом, во тяжёлом
Возвращался Лермонтов домой.
По российским побелевшим сёлам
Он катился чёрною слезой.

И откуда ей достало силы —
Выйти за порог его встречать...
Возле гроба бабы голосили.
"Господи, дай сил не закричать..."

Сколько лет он вдалеке томился,
Забывал между забот и дел.
А теперь навек к ней возвратился.
Напоследок бабку пожалел.

Строфы

* * *

Одни по воротам целят.

Другие играют в пас.

Не важно,

Как нас оценят.

Важней

Чем вспомнят нас.

* * *

О, как порой природа опрометчива:

То подлеца талантом наградит,

То красотой поделится доверчиво

С тем,

За кого испытываешь стыд.

* * *

И гений трижды может быть ничтожен:

Когда он дружбой выгоду итожит,

Когда вослед своей любви былой

Он посмеётся,

Словно шутке злой.

И в третий раз

Всего ничтожней он:

Когда забудет,

Где он был рождён.

* * *

Мы скаковые лошади азарта.

На нас еще немало ставят карт.

И может быть,

Мы тяжко рухнем завтра,

Но это завтра...

А сейчас азарт.

* * *

И с легкостью нежданной иногда

Наносим мы обиды близким людям.

И как потом бывает труден

Путь от ошибки до стыда.

* * *

Я тебя разбудил

Слишком поздним звонком.

Ты бежишь к моему голосу

Босиком.

И я чувствую,

Как ты сейчас

Горяча.

И я вижу —

Рубашка сползает с плеча.

* * *

Какая-то неясная тревога

Мне сердце вечерами холодит.

То ль ждёт меня опасная дорога,

То ль рухну я под тяжестью обид.

То ли с тобою что-нибудь случится,

И я не знаю, как предостеречь.

То ли из сердца улетела птица —

И замерла возвышенная речь...

* * *

Разве она думала-гадала,

Что дождется этих черных дней:

Кулачки, что к сердцу прижимала, —

Будут силу пробовать на ней.

* * *

Какая ночь!

Ни звука в целом мире.

На темном море

Светлый луч луны.

Как будто бы

На собственном буксире

Плывет луна

Средь этой тишины.

* * *

Мы порою живем так нелепо,
Будто вечность в запасе у нас.
Оглянитесь — кончается лето,
Чей-то вечер навеки угас.

Берегите здоровье друг друга.
У Природы мы — малая часть.
Вы кому-то ответили грубо —
Чью-то жизнь сократили сейчас.

* * *

Печальней и обиднее всего,
Когда лукавит друг —
Искусно или грубо...
И маленькая выгода его
Ему дороже искренности друга.

* * *

В тот год сентябрь был так красив!
И ты в него легко вписалась.
Твоя печаль листвы касалась,

Как птиц касались облака...

* * *

Я караю сон твой по ночам.
Боюсь, чтобы моя бессонница
Не подступила и к твоим очам,
Когда душа и тело тихо ссорятся.

* * *

Когда себя от дружбы отлучаем.
Мы угасаем сердцем и умом.
И света изнутри не излучаем,
Как брошенный хозяевами дом.

* * *

Мужские слезы дефицит.
У женщин проще со слезами.
Они то плачут от обид,
То над письмом, то в кинозале.
Не знаю — верить ли слезам...
Но сомневаться я не смею,
Что слезы помогают нам
Друг к другу быть добрее.

* * *

От весенней грозы,
От зеленых ветвей
Пробуждается в сердце
Поэзия снова.
Ты, смеясь, набрела
На забытое слово.
И оно стало рифмой
К улыбке твоей.

* * *

Ты счастлив тем, что в дружбу веришь.
Не для застолий и похвал
Твои друзья стучались в двери,
Когда их мысленно их звал.

Ты в дружбе верен как собака —
Для откровений и атак...
Родился ты под знаком Рака.
А это очень добрый знак.

В деревне

Люблю, когда по крыше
Дождь стучит,

И всё тогда во мне
Задумчиво молчит.

Я слушаю мелодию дождя.
Она однообразна,
Но прекрасна.
И всё вокруг с душою сообразно.
И счастлив я,
Как малое дитя.

На сеновале душно пахнет сеном.
И в щели бьёт зелёный свет травы.
Стихает дождь...
И скоро в небе сером
Расплещутся озёра синевы.

Стихает дождь.
Я выйду из сарая.
И все вокруг
Как будто в первый раз.
И радугу сравню с вратами рая,
Куда при жизни
Я попал сейчас.

Сумерки

Давай помолчим.

Мы так долго не виделись.

Какие прекрасные сумерки выдались!

И всё позабылось,

Что помнить не хочется:

Обиды твои

И моё одиночество.

Давай помолчим.

Мы так долго не виделись.

Душа моя

Как холостяцкая комната.

Ни взглядов твоих в ней,

Ни детского гомона.

Завалена книгами

Площадь жилищная,

Как сердце — словами...

Теперь уже лишними.

Ах, эти слова,

Будто листья опавшие.

И слёзы

На целую жизнь опоздавшие.

Не плачь.

У нас встреча с тобой,

А не проводы.

Мы снова сегодня наивны

И молоды.

Давай помолчим.

Мы так долго не виделись.

Какие прекрасные

Сумерки

Выдались!

Доброта

Доброту не купишь на базаре.

Искренность у песни не займёшь.

Не из книг приходит к людям зависть.

И без книг мы постигаем ложь.

Видимо, порой образованью

Тронуть душу

Не хватает сил.

Дед мой без диплома и без званья

Просто добрым человеком был.

Значит, доброта была вначале?..

Пусть она приходит в каждый дом,

Что бы мы потом ни изучали,

Кем бы в жизни ни были потом.

Муза

А. Алексину

Муза моя,

Ты сестра милосердия.

Мир ещё полон страданий и мук.

Пусть на тебя чья-то радость

Не сердится.

Нам веселиться пока недосуг.

Как не побыть возле горести вдовьей?

В доме её на втором этаже

С женщиной той

Ты наплачешься вдоволь.

Смотришь —

И легче уже на душе.

Не проходи мимо горя чужого,

Рядом оно

Или где-то в глуши...

Людам так хочется доброго слова,

Доброго взгляда

И доброй души!

Горем истерзана,

Залита кровью, —

Наша планета опасно больна.

Муза,

Ты сядь у её изголовья.

Пусть твою песню услышит она.

Знаю, что песня ничто не изменит.

Мир добротой переделать нельзя.

Всё же ты пой...

Это позже оценит,

Позже поймёт твою песню земля.

Жизнь без тебя

Ты не ревнуй,

Когда в кругу друзей

Я веселюсь,

Хотя тебя нет рядом.

И кто-то возле радости моей

Добреет сердцем и светлеет взглядом.

Ты не ревнуй...

Ведь над моей душой

Не властен этот праздник поневоле.

Он — отраженье радости чужой.

Зачем друзей тревожить нашей болью?

И кто бы ни был рядом — сын иль дочь,

Старинный друг

Или знакомец новый,

Мне с ними эту боль не превозмочь,

Пока тебя я не увижу снова.

И знаю я,

Что каждый мой отъезд

Для нас обоих время остановит.

Жизнь без тебя —

Как машинальный жест,

Иль крик души, не выраженный в слове.

Доверчивость

Я снова за доверчивость наказан.

Не разберёшь —

Где правда, а где ложь.

Давно бы надо с ней покончить разом,

Но век учись,

А дураком умрёшь.

Я пожалел чужого человека,

В беду его поверил,

Приютил.

Всё с ним делил —

От песен до ночлега.

И добротой своею счастлив был.

Не надо мне ни платы, ни награды.

Душа добро творит не напоказ.

Когда мы гостю в нашем доме рады,

То эта радость согревает нас.

Но всё забыл тот человек неверный,

Забыл добро,

Хоть не прошло и дня.

Как мне забыть?

Ведь он уже не первый

И, видно, не последний у меня.

Душа не хочет перемен

Любовь не только возвышает.

Любовь порой нас разрушает.

Ломает судьбы и сердца...

В своих желаниях прекрасна,

Она бывает так опасна,

Как взрыв,

Как девять грамм свинца.

Она врывается внезапно.

И ты уже не можешь завтра

Не видеть милого лица.

Любовь не только возвышает.

Любовь вершит и все решает.

А мы уходим в этот плен

И не мечтаем о свободе.

Пока заря в душе восходит,

Душа не хочет перемен.

Эпиграф к воспоминанию

Последний вечер

И последний танец.

И мы с тобой, при всех наедине.

А новый день нас вместе не застанет.

Но мы не говорим об этом дне.

И музыка, и грусть, и нежность с нами.

Ты, не стесняясь, обняла меня.

И танец наш

Как долгое признание,

Как искра от великого огня.

Твои глаза, омытые слезами,

Печальны и прекрасны в этот миг.

И я пред ними виновато замер,

И весь я

Словно молчаливый крик.

Вновь две слезинки на твоих ресницах.

Под шапочкой

Волнующая прядь.

И потому всё снова повторится,

И так же будет музыка играть.

Минувшее

Томилось время...

Я всё ждал звонка.

Мне не терпелось говорить с тобою.

И вновь казалось — ты меня звала.

Но зов души вдруг отозвался болью.

Ты позвонила...

Ты была больна.

Твои слова растерянно звучали.

И в сердце мне ударила волна

Отчаянья, тревоги и печали.

Но я ничем помочь тебе не мог:

Ты из другого города звонила.

И я от горьких мыслей изнемог,

Как будто и меня болезнь свалила.

Я чувствовал, что нездорова ты

Разлукою...

Когда часы — как годы.

...Под самолетом вдруг из темноты,
Как фейерверк, — твой засветился город.

Лермонтов и Варенька Лопухина

1

Они прощались навсегда,
Хотя о том пока не знали.
Погасла в небе их звезда,
И тихо свечи догорали.

"Я обещаю помнить вас...
Дай бог дожить до новой встречи..."
И каждый день, и каждый час
Звучать в нём будут эти речи.

Она его не дождалась,
С другим печально обвенчалась.
Он думал: "Жизнь не удалась..."
А жизнь лишь только начиналась.

2

Он ставит в церкви две свечи.

Одна — за здоровье любимой,

Чтоб луч её мерцал в ночи,

Как свет души его гонимой.

Свечу вторую он зажег

За упокой любви опальной

И может, пламя горьких строк

Зажглось от той свечи печальной?

Две горьких жизни...

Два конца...

И смерть их чувства уравнила,

Когда у женского лица

Свеча поэта догорала.

Обиду не вылечит жалость

Не смотрите, мужчине в лицо,

Когда слёзы глаза застилают,

Видно в это мгновение он

Что-то очень родное теряет.

Может, женщина тихо ушла.
И по ней он так горестно плачет.
Только ею душа и жила
И не знает, как жить ей иначе.

Может, друг в чём-то предал его
И на сердце лишь горечь осталась.
Не смотрите тогда на него,
Ведь обиду не вылечит жалость.

Или что-то случилось ещё
Чтоб почувствовать, надо быть ближе.
Я б мужчине подставил плечо,
Если б знал, что его не обижу.

Иные дни придут

Какая поздняя весна.
Опять за окнами бело.
А ты со мною холодна.
Как будто душу замело.

И я не знаю — чья вина.

И я не знаю — чья вина.

Всё перепуталось вокруг.

В календаре давно весна,

А за окном бело от вьюг.

А за окном бело от вьюг.

И ты прости меня, мой друг,

За эту хмарь, за этот дождь,

За эту белую метель,

За то, что наш с тобой апрель

На осень позднюю похож.

Мы непогоду переждём.

Ещё иные дни придут.

Порядок в небе наведут.

Мы пробежимся под дождём.

И смоеет он печаль с души.

Растопит солнце

В сердце лед.
Ты огорчаться не спеши.
Весна в пути,
Она придёт.

Какая поздняя весна.
Как велика её вина.

* * *

Сандаловый профиль Плисецкой...

Сандаловый профиль Плисецкой
Взошёл над земной суетой.
Над чьей-то безликостью светской
Над хитростью
И добротой.

Осенняя Лебедь в полёте.
Чем выше —
Тем ярче видна.
— Ну, как вы внизу там живёте?
Какие у вас времена?

Вы Музыкой зачаты, Майя.

Серебряная струна.

Бессмертие —

Как это мало,

Когда ему жизнь отдана.

Во власти трагических судеб

Вы веку верны своему.

А гения время не судит.

Оно только служит ему.

Великая пантомима —

Ни бросить,

Ни подарить.

Но всё на земле повторимо.

Лишь небо нельзя повторить.

Сандаловый профиль Плисецкой

Над временем —

Как небеса.

В доверчивости полудетской

Омытые грустью глаза...

Из зала я —

Как из колодца

Смотрю в эту вечную синь.

— Ну, как наверху вам живётся?

Я Лебедя тихо спросил.

Руки мамы

Вот и всё...

Уже вещи собраны.

Посидим на прощанье, мать.

И молчат твои руки добрые,

Хоть о многом хотят сказать.

Руки мамы.

Люблю их с детства.

Где б дорога моя ни шла,

Никуда мне от них не деться,

От душистого их тепла.

Руки мамы.

В морщинках, в родинках.

Сколько вынесли вы, любя...

С этих рук
Я увидел Родину,
Так похожую на тебя,
Мама...

Переменчивый мир

Ничего не вернёшь...
Даже малого слова.
Ни ошибок,
Ни радостей,
Ни обид.
Только кто-то окликнет меня из бывшего
И душа замирает.
И сердце болит.

Мы когда-то о жизни своей загадали.
Да сгорели ромашки на прошлой войне.
Не мелели бы души,
Как речки, с годами...
Потому что душа
Постоянно в цене.

Ничего не вернёшь...

Оттого всё дороже

Переменчивый мир,

И морозы, и зной.

Мы судьбою не схожи,

Но памятью схожи.

А поэтому вы погрузите со мной.

* * *

Жизнь прожита...

Жизнь прожита...

Но всё ещё вначале.

Я выйду в поле.

Как я полю рад!

Здесь тыщи солнц

Подсолнухи качали,

Посеянные сорок лет назад.

Как будто ничего не изменилось.

Село моё, сожжённое в войну,

По-прежнему рассветами дымилось,

Не нарушая дымом тишину.

Сейчас пастух на луг коров погонит
И ранний дрозд откликнется в лесу.
И тихие стреноженные кони
Поваляться в прохладную росу...

Всех дороже

Отцы,
Не покидайте сыновей!
Не унижайте их подарком к дате...
Всё можно изменить в судьбе своей,
Но только сыновей не покидайте.

Пока малы.
За них в ответе мать
От первых слёз
И до вечерней сказки.
Но как потом им будет не хватать
Мужской поддержки
И отцовской ласки.

Им непременно надо подражать

Своим отцам

На то они и дети.

Родную руку молча подержать,

Уйти с отцом рыбачить на рассвете.

Обида вас настигнет иль любовь

Не уходите...

Вы им всех дороже.

Ведь в жилах сыновей — отцова кровь.

И заменить её уже никто не сможет.

Монолог автогонщика

На крутых поворотах

Машины выносит в кювет.

На крутых виражах

Чемпионы ломают хребет.

Так уж вышло,

Машину мою занесло.

Ты, рискуя,

Подставил на помощь крыло...

Ничего не случилось.

Такие дела.

Лишь дорога дымилась.

Гонка дальше ушла.

Ты стоял, усмехаясь,

Кровь стирая со лба.

Говорил, усмехаясь:

— Видно, это судьба!

Я молчал

Среди груды железа.

Я ещё в состоянии стресса.

И смотрел,

Словно видел тебя

В первый раз.

"Не судьба, — я сказал, —

Это ты меня спас".

Характер

В. Большакову

У мужчины должен быть характер.

Лучше, если тихий,

Словно кратер,

Под которым буря и огонь.

У мужчины должен быть характер,

Добрый взгляд

И крепкая ладонь.

Чтобы пламя сердце не сожгло,

Можно душу отвести на людях,

Лишь бы в сердце не копилось зло.

У мужчины должен быть характер.

Если есть

Считай, что повезло.

Р. Щедрину

Я живу открыто.

Не хитрю с друзьями.

Для чужой обиды

Не бываю занят.

От чужого горя

В вежливость не прячусь.

С дураком не спорю,

В дураках не значусь.

В скольких бедах выжил.

В скольких дружбах умер.

От льстецов да выжиг

Охраняет юмор.

Против всех напастей

Есть одна защита:

Дом и душу настезь...

Я живу открыто.

В дружбе, в буднях быта

Завистью не болен.

Я живу открыто.

Как мишень на поле.

Сон

Когда я долго дома не бываю,

То снится мне один и тот же сон:
Я в доме нашем ставни открываю,
Хотя давно живёт без ставен он.

Но всё равно я открываю ставни,
Распахиваю окна на рассвет.
Потом во сне же по привычке давней
Я рву жасмин и в дом несу букет.

Отец не доверяет мне жасмина
И ветки все подравнивает сам.
И входит мама.
Говорит: "Как мило..."
Цветы подносит к радостным глазам.

А после ставит тот букет пахучий
В кувшин, который я давно разбил.
И просыпаюсь я на всякий случай,
Поскольку раз уже наказан был.

И всё меня в то утро беспокоит.
Спешат тревоги вновь со всех сторон.
И успокоить может только поезд,

Что много раз разгадывал мой сон.

* * *

Сомнений снежный ком...

Сомнений снежный ком

Несётся к нам из прошлого...

Не думай о плохом,

А помни про хорошее.

Сомнения твои

Я растопить сумею

Признанием в любви

И верностью своею.

Ты помнишь,

В прошлый май

Мы заблудились в чаще?

И утренняя хмарь

Пророчила несчастья.

Нас спас зеленый холм

И чей-то дом заброшенный.

Не думай о плохом,

А помни про хорошее.

Мы вышли из болот,
Из той зловещей чащи.
С тех пор в тебе живёт
Боязнь за наше счастье.

Как будто может лес
Нас разлучить с тобою.
Как будто синий плеск
Вдруг обернётся болью.

Мы на конях верхом
Проскочим бездорожье.
Не думай о плохом,
А помни про хорошее.

Несу вину

Л. Бадалян

За все несправедливости чужие
Несу вину сквозь память и года.
За то, что на одной планете живы

Любовь и боль.

Надежда и беда.

Я виноват, что не промолвил слова,

Которое могло всё изменить:

Вернуть любовь —

Кто в ней разочарован,

Вернуть надежду —

Если нечем жить.

Будь проклято несовершенство мира —

Наш эгоизм и слабый мой язык.

Прошу прощенья у больных и сирых

За то,

Что я

К вине своей привык.

Солнце Сарьяна

А за окном была весна...

Сарьян смотрел в окно и плакал

И жилка билась у виска.

И горы отливали лаком.

Год или сутки суеты.

Как мало жить ему осталось!

В его руках была усталость.

Печаль просилась на холсты.

А солнце наполняло дом.

Оно лилось в окно лавиной,

Как будто шло к нему с повинной

За то, что будет жить потом.

Потом, когда его не будет.

Но будет этот небосклон,

И горы в матовой полуде,

И свет, идущий из окон.

Всё было в солнце: тот портрет,

Где Эренбург смотрел так странно,

Как будто жаль ему Сарьяна,

Который немощен и сед.

Всё было в солнце: каждый штрих,

Веселье красок, тайна тени.
И лишь в глазах, уже сухих,
Гас и смирялся свет весенний.

"О, только б жить!
На мир смотреть.
И снова видеть солнце в доме.
Ловить его в свои ладони
И вновь холсты им обогреть..."

"Прекрасна жизнь!" — он говорил.
Он говорил, как расставался.
Как будто нам себя дарил.
И спрятать боль свою старался.

Срывают отчий дом

Срывают отчий дом.
Как будто душу рушат.
Всё прошлое — на слом.
Прощаемся с минувшим.

Прощаемся с собой.

Ведь столько лет послушно.

Как маленький собор.

Хранил он наши души.

Всю жизнь мы жили в нём.

Беду и радость знали.

Охвачены огнём

Мои воспоминанья.

Как жаль, что довелось

Дожить до дня такого...

Отец не прячет слёз.

Застряло в горле слово.

И дом в последний раз

Глядит на всех незряче.

То ли жалеет нас,

То ль о минувшем плачет.

С таких высот

Вы всё о высших

Проявленьях духа?..

Хоть жизнь сложна,
Для вас загадок нет.
Поэзия
Как мудрая старуха:
Что ни вопрос
Уже готов ответ.

Вы всё о высших
Проявлениях духа?..

Мне вашу бы мудрость
Одолжить.
Но к чьим-то болям
Сердце станет глухо.
Как рядом с горем
Безмятежно жить?

А ваша мысль
Так высоко витает,
Что ей себя
Не в силах превозмочь...

С таких высот не видно,
Кто страдает.

С таких высот

Как ближнему помочь?

Виденье

А. Пьянову

Хочу спросить, —

Не знаю — у кого.

Как дальше жить,

Когда душа в смятенье?

И вроде не случилось ничего...

Смешно сказать —

Явилось мне виденье.

Оно явилось на исходе дня

От встречи с ним

Я суеверно вздрогнул.

Прекрасный образ снега и огня

На синем фоне —

Яростном и строгом.

Я оказался посреди огня.

Нам разминуться было слишком поздно.

И я подумал:

"Что-то ждёт меня,
Когда огонь
Мне прямо в душу послан?"

Но пламя было холодно как снег.
А снег пылал и оставался снегом.
И синий цвет
Вдруг превратился в смех
И захлебнулся этим синим смехом.

Мне было одиноко и легко.
И страшно было.
И неотвратимо...
Меня к огню по-прежнему влекло,
Но я летел куда-то мимо, мимо.

Хочу спросить, —
Не знаю — у кого,
Что означает странное виденье?

Опасность?
А быть может, торжество?

И как мне жить.
Когда душа в смятенье.

Продаётся романтика

Старый учитель

Продаёт клубнику

Вместе с торговками

В одном ряду.

Я узнал его

Тихого

Среди крика.

И вдруг испугался:

"Не подойду..."

Но не сумел

Подожёл, поклонялся.

Взял от смущения

Ягоду в рот.

Старый учитель

Торговец покладистый:

За пробу

Денег с меня не берёт.

— Купите ягод!

Жалеть не станете...

И смотрит.

И, кажется, не узнаёт.

И я смотрю

Какой же он старенький!

Зачем он ягоды продаёт?

— Берите!

Смотрите, какие спелые!

И глядя на лакомый

Тот товар,

Я вспомнил

Наши уроки первые —

Он нам романтику

Преподавал.

Но я его ни о чем

Не выпытываю.

Меня и так смутил

Его вид.

Продаётся

Романтика позабытая.

И горькой платой

Мой рубль звенит.

* * *

Никто не знает, что нас ждёт...

Никто не знает, что нас ждёт.

А мы судьбе не доверяем.

Никто не знает наперёд.

Где мы найдём.

Где потеряем.

Никто не знает, что нас ждёт.

Я в ожидание встречи замер...

Но птица счастья свой полёт

Не согласовывает с нами.

И я загадывать боюсь.

Решишь —

А жизнь переиначит.

Ужо, я думал, посмеюсь...

Но всё во мне грустит и плачет:

То боль чужая бередит,

То сердце жжёт своя обида.

Живу у радости в кредит

И не показываю вида.

Новогоднее

Двое Новый год встречают
Не за праздничным столом.
Вряд ли это их печалит.
Главное — они вдвоём.

А над ними снег кружится.
Где-то ждёт их милый дом.
Подвела стальная птица:
Села в городе чужом.

Ни шампанского, ни тостов.
В окнах ёлки зажжены.
Белый город словно остров
В океане тишины.

А над ними снег кружится,
Тихий-тихий — как слова...
На деревья снег ложится,
Превращаясь в кружева.

Старый год идёт на убыль.

Уплывает к морю звёзд.

Он её целует в губы.

До чего же сладок тост!

Любимое имя

Откуда у тебя такое имя?

Оно прекрасной музыки полно.

И майского веселья

Как вино,

Когда с друзьями встретишься своими.

Я это имя повторю чуть слышно,

Чтоб музыкой наполнилась душа,

Как будто ты ко мне навстречу вышла,

Но до сих пор до встречи не дошла.

Откуда имя у тебя такое?

Весенняя, безоблачная даль...

Но что же в нём меня так беспокоит?

И что мне в нём так бесконечно жаль?

Вернулся май

Давным-давно за окнами весна,
Но снег опять свои затеял танцы.
Зима в наш город, видно, влюблена
И всё никак не может с ним расстаться.

А я с тобой расстаться не могу.
Хотя мой снег
Твоей весне печален.
По вешним водам мы куда отчалим?
Какой цветок оставим на снегу?

Снега сойдут...
И возле наших окон,
Как будто кем покинутая вдруг,
Грустит берёза...
Как ей одиноко
Без ласки снега и объятий вьюг.

Растаял снег...
В берёзе бродит сок.
И листья на ветру зашелестели.

Вернулся май.
И ей легко помог
Забыть про отшумевшие метели.

Давняя песня

От жизни той,
Где ты была,
Остались только два крыла.
Лишь два истерзанных крыла,
Когда ты в небо взмыть пыталась.
Да песня давняя осталась
От жизни той,
Где ты была.

От той любви,
Что в нас жила,
Остались пепел да зола,
Да писем радостные строки,
И даль невидимой дороги,
Которой та любовь ушла.
От той судьбы,
Что нас свела,
Осталась горькая вина.

А в сердце моем

Сегодня

Я все твои письма

Порвал.

И сжёг...

И смотрел на них с болью.

И вспомнил,

Как эти листки целовал,

Прощаясь с твоею любовью.

Печально и трепетно

Письма твои

Давно отпылали в камине.

А в сердце моём

Уголёчек любви

Ещё освещал твоё имя.

Мода

Евг. Богату

Мне подарили книгу,
Редкий том —
Собранье удивительных историй:
Чужие судьбы,
Радости и горе,
И письма —
Знаменитостей притом.

Я книгу эту залпом прочитал.
Потом ещё раз,
И ещё,
И снова.
И всё, о чём я некогда мечтал,
Сквозь жизнь чужую
Мне явило слово.

И горевал я горестями вновь,
Разлуки клял
И радовался встречам.
Мне жить порою просто было нечем,
Когда чужая рушилась любовь.

А ты читала книгу вслед за мной.
Пометки наносила осторожно.
И я по ним читал характер твой
О, как же были мы с тобой похожи!

И потому, быть может, книга та
Еще прекрасней стала и роднее,
Что две души
Вновь встретились над нею.
Два сердца породнились навсегда.

Но книгу ту украли у меня,
Как будто душу музыки лишили.
Или очаг,
Где рядом люди жили,
Оставили надолго без огня...

И ты сказала:
"Нервы зря не трать.
Ведь нынче модно
Книги собирать..."

Сестра милосердия

Слёзы Мария вытерла.
Что-то взгрустнулось ей...
Мало счастья Мария видела
В жизни своей.

Мало счастья Мария видела.
И старалась не видеть зла.
Красотой её мать обидела.
Юность радостью обошла.

Некрасивая, неуклюжая,
О любви мечтала тайком.
Платья старенькие утюжила.
Только платья на ней колом.

А года проносились мимо,
Словно вальсы подруг.
Так ничьей и не стала милой,
Не сплела над плечами рук.

Так ничьей и не стала милой.
Но для многих стала родной.
Столько нежности накопила,
Что не справиться ей одной.

И когда по утрам входила
В нашу белую тишину.

Эту нежность на всех делила.

Как делили мы хлеб в войну.

Забывала свои несчастья

Перед болью чужой.

Говорила:

— Не возвращайся...

Тем, кто радостно шёл домой.

На судьбу Мария не сердится.

Ну, а слёзы — они не в счёт.

Вот такой сестры милосердия

Часто жизни недостаёт.

* * *

Снова мы расстаёмся с тобою...

Снова мы расстаёмся с тобою.

За окном опускается ночь.

Со слезами, с надеждой и болью,

С невозможностью чем-то помочь.

Нам в разлуке не будет покоя.

Как же слёзы твои солонь!

Слишком коротко счастье людское.

Слишком редки прекрасные сны.

Посреди самолётного грома

Я впервые подумал о том,

Что земля потому так огромна,

Что в разлуке на ней мы живём.

* * *

Я по тебе схожу с ума...

Я по тебе схожу с ума,

Как по земле

Морской прибой.

И целый мир —

Моя тюрьма,

Когда в разлуке мы с тобой.

Я по тебе схожу с ума,

Когда ты около меня.

И все высокие слова

Лишь дым от жаркого огня.

* * *

Когда-нибудь ты всё-таки устанешь...

Когда-нибудь ты всё-таки устанешь

От наших одиночеств и разлук.

И скажешь мне об этом.

Не обманешь.

И оба мы почувствуем испуг.

Последнюю улыбку мне подаришь.

Прощальными слезами обожжёшь.

И ни к кому

Ты от меня уйдёшь.

* * *

Твоё весеннее имя...

Твоё весеннее имя
На русский непереводамо.
Оно на твоём языке
Звучит.
Как вода в роднике.
А на моём оно —
Как в хрустале вино.

Одиночество

Особенно тоскливы вечера,
Когда ты в доме у себя как пленница.
Сегодня так же пусто, как вчера.
И завтра вряд ли что-нибудь изменится.

И это одиночество твоё
Не временем бы мерить, а бессонницей.
То книги, то вязанье, то шитьё.
А жизнь пройдёт — и ничего не вспомнится.

И все-таки однажды он придёт.
И сбудутся надежды и пророчества.
Твои он губы в темноте найдёт.
И шепотом прогонит одиночество.

* * *

Грядущее не примирить с минувшим

Грядущее не примирить с минувшим.

Не подружить «сегодня»

И «вчера».

Я кораблём остался затонувшим

В той жизни,

Что, как шторм, уже прошла.

Но память к кораблю тому вернулась.

Рискованная,

Как аквалангист.

Она вплыла в мою былую юность,

И снова я наивен,

Добр и чист...

Мы речи произносим

Бывает,

Что мы речи произносим

У гроба

По написанной шпаргалке.

О, если б мёртвый видел,
Как мы жалки,
Когда в кармане
Скорбь свою приносим.
И так же радость
Делим иногда,
Не отрывая взгляда
От страницы.

Ещё бы научиться нам
Стыдиться.
Да жаль,
Что нет шпаргалки
Для стыда.

Баллада о матери

Постарела мать за двадцать лет.
А вестей от сына нет и нет.

Но она все продолжает ждать,
Потому что верит, потому что мать.

И на что надеется она?

Много лет, как кончилась война.

Много лет, как все пришли назад,
Кроме мертвых, что в земле лежат.

Сколько их в то дальнее село,
Мальчиков безусых, не пришло!

...Раз в село прислали по весне
Фильм документальный о войне.

Все пришли в кино — и стар и мал,
Кто познал войну и кто не знал.

Перед горькой памятью людской
Разливалась ненависть рекой.

Трудно было это вспоминать...
Вдруг с экрана сын взглянул на мать.

Мать узнала сына в тот же миг.
И пронесся материнский крик:

— Алексей! Алешенька! Сынок!... —

Словно сын ее услышать мог.

Он рванулся из траншеи в бой.

Встала мать прикрыть его собой.

Все боялась — вдруг он упадет.

Но сквозь годы мчался сын вперед.

— Алексей! — кричалт земляки.

— Алексей! — просили, добеги...

Кадр сменился. Сын остался жить.

Просит мать о сыне повторить.

И опять в атаку он бежит,

Жив-здоров, не ранен, не убит.

Дома все ей чудилось кино.

Все ждала — вот-вот сейчас в окно

Посреди тревожной тишины

Постучится сын ее с войны.

Чужая осень

Во Франкфурте

Холодно розы цветут.

В Москве

Зацветают

Узоры

На стёклах.

Наш «бьюик» несётся

В багряных потёмках —

Сквозь сумерки

Строгих немецких минут.

Сквозь зарево клёнов

И музыку сосен.

Сквозь тонкое кружево

Жёлтых берёз.

Я в эти красоты

Ненадолго сослан,

Как спутник

В печальные залежи звёзд.

Со мной переводчица —

Строгая женщина.

Мы с нею летим сквозь молчанье

И грусть.

И осень её

Так прекрасна и женственна,
Что я своим словом
Нарушить боюсь.
Нас «бьюик»
Из старого леса выносит.
Дорога втекает
В оранжевый круг.
Как всё здесь похоже
На русскую осень!
Как Русь не похожа на всё,
Что вокруг!

* * *

Ты ищешь меня...

Ты ищешь меня
Только в дни одиночества.
Когда никого —
Ни в душе, ни вблизи.

А мне утешать тебя
Больше не хочется,
Хоть это и любят
У нас на Руси.

И я не хочу заполнять
Этот вакуум —
Меж будущим счастьем
И счастьем былым.

Ты ждёшь, чтоб мы вместе
Грустили и плакали.
А радостный день
Для тебя неделим...

Из биографии

В тот день
Меня в партию приняли.
В тот день
Исключали из партии
Любимца студенческой братии
Профессора Трынова.

Старик был нашим учителем.
Неуживчивым и сердитым.
Он сидел
И молчал мучительно,
Уже равнодушный ко всем обидам.

Его обвиняли в семи грехах,
А мне всё казалось,
Что это — травля.
И сердце твердило:
— Неправда! Неправда!
— А может быть, правда? —
Спрашивал страх.

Страх...

И я поднял руку «за».
За исключение.
И, холодея.
Вдруг я увидел его глаза
Как, наверно, Брюллов
Увидал Помпею.

Вовек не забуду я те глаза.
Вовек не прощу себе подлое «за».
Мне было тогда девятнадцать лет.
Мне рано выдали партбилет.

Лось

Лось заблудился.

Он бежал по городу.
И страшен был асфальт его ногам.
Лось замирал,
Надменно вскинув морду
Навстречу фарам,
Крикам
И гудкам.
В обиде тряс скульптурной головой.
То фыркал,
То глядел на мир сердито.
Гудели как набат его копыта,
И боль его неслась по мостовой.

А город всё не отпускал его...
И за домами лось не видел леса.
Он на людей смотрел без интереса,
Утрачивая в страхе торжество.
И, как в плечо,
Уткнулся в старый дом.
А над столицей просыпалось утро.
И кто-то вышел и сказал:
— Пойдём...
И было всё так просто и так мудро.

И, доброту почувствовав внезапно,
За человеком потянулся лось.
И в ноздрн вдруг ударил милый запах,
Да так, что сердце в радости зашлось

Вдали был лес...
И крупными прыжками
К нему помчался возбуждённый лось.
И небо,
Что он вспарывал рогами,
На голову зарею пролилось.

Баллада о верности

Отцы умчались в шлемах краснозвёздных.
И матерям отныне не до сна.
Звенит от сабель над
Россией воздух.
Копытами разбита тишина.

Мужей ждут жёны.
Ждут деревни русские.
И кто-то не вернётся, может быть...
А в колыбелях спят мальчишки русые,
Которым в сорок первом уходить.

1

Заслышав топот, за околицу
Бежал мальчонка лет шести.
Всё ждал: сейчас примчится конница
И батя с флагом впереди.

Он поравняется с мальчишкой,
Возьмёт его к себе в седло...
Но что-то кони медлят слишком
И не врываются в село.

А ночью мать подушке мятой
Проплачет правду до конца.
И утром глянет виновато
На сына, ждущего отца.

О, сколько в годы те тревожные
Росло отчаянных парней.
Что на земле так мало прожили.
Да много сделали на ней.

2

Прошли года.
В краю пустынном
Над старым холмиком звезда.
И вот вдова с любимым сыном
За сотни верст пришла сюда.

Цвели цветы. Пылало лето.
И душно пахло чебрецом.

Вот так в степи мальчишка этот
Впервые встретился с отцом.

Прочёл, глотая слёзы, имя,
Что сам носил двадцатый год...
Ещё не зная, что над ними
Темнел в тревоге небосвод,

Что скоро грянет сорок первый,
Что будет смерть со всех сторон,
Что в Польше под звездой фанерной
Своё оставит имя он.

3

...Вначале сын ей снился часто.
Хотя война давно прошла,
Я слышу: кони мчатся, мчатся.
Все мимо нашего села.

И снова, мыкая бессонницу,
Итожа долгое житьё,
Идет старушка за околицу,
Куда носился сын её.
"Уж больно редко, — скажет глухо,
Дают военным отпуска..."

И этот памятник разлукам

Увидит внук издалека.

* * *

Письма...

Письма... Фотографии в альбоме.

Смотрят парни матерям в глаза.

Матери их мёртвыми не помнят —

Оттого и верят в чудеса.

Все они их видят молодыми,

Сильными,

Как двадцать лет назад...

А в округе на родное имя

Столько откликается ребят...

Разных —

Незнакомых и знакомых,

Никогда не знавшихся с войной,

Ждут их тезок матери домой

И глядят на карточки в альбомах.

Парни там —

Смешливы и красивы,

Где им было знать, что скоро в бой.

В двадцать лет они спасли

Россию!

Ну, а что свершили мы с тобой?

Западные туристы

Приехали туристы из Германии.

Из Западной.

Где этот самый Бонн.

Их ждали.

Всё продумали заранее:

Экскурсии,

Купание

И сон.

Их поместили в номерах с балконами,

Сперва оттуда выселив своих.

Мне показались очень уж знакомыми

Смешки туристов

И нахальство их.

Я слышу речь,
Пугавшую нас в детстве,
Когда она входила в города.
И никуда от памяти не деться.
От боли не укрыться никуда.

Они горланят в ресторане гимны.
И эти гимны —
Словно вызов нам.
От пульь отцов их
Наши батьки гибли
Не для того,
Чтоб здесь наглеть сынам.

Я понимаю — мы гостеприимны
И для туристов открываем дом
Ждём их вопросов.
Слушаем их гимны
И речи произносим за столом.

Но эти,
Что приехали из Бонна,
Скажу по правде —
Ненавистны мне.
И снова мне и яростно
И больно,

И снова я как будто на войне.

Они идут вдоль берега,

Гогочут.

Откормлены, чванливы и горды.

А рядом

Море Черное грохочет

С родной земли

Смывает их следы.

* * *

Лесть незаметно разрушает нас...

Л. К. Татьяничевой

Лесть незаметно разрушает нас,

Когда молчаньем мы её встречаем.

И, перед ней не опуская глаз,

Уже стыда в себе не ощущаем.

Нас незаметно разрушает лесть.

Льстецы нам воздвигают пьедесталы.

И нам туда не терпится залезть,

Как будто вправду мы иными станем.

А старый друг печалится внизу,
Что он друзей не может докричаться,
Не понимая,
Как мы на весу
В пространстве
Умудряемся
Держаться.

Мещанство

Мы за мещанство принимаем часто
Смешную бесшабашность дурака.

Не верьте!

Настоящее мещанство
Зловеще,
Словно ненависть врага.

Лишённое романтики и таинств,
Как прежде, надуваясь и сопя,
Оно в душе весь мир
Нулем считает

И единицей чувствует себя.

Подсизиванье, трусость и так далее,

Слепое поклонение вещам...

А вот, скажите,

Вы хоть раз видали

На честность ополчившихся мещан?!

О, как они расчетливы, каналы!

И как коварны в помыслах своих!

И сколько душ великих доконали

За то, что те талантливее их.

Мещанство не прощает превосходства,

Завидует успеху и уму.

И если уж за что-нибудь берётся,

Так, значит, это выгодно ему.

Не верьте напускному благодушью,

Когда оно о дружбе говорит.

От чьей руки пал Александр Пушкин?

И чьей рукою Лермонтов убит?!

Мещанство было к этому причастно.

Оно причастно к подлости любой.

Мы Революцию не отдадим мещанству!

И только так.

И только смертный бой.

Беззащитность

У меня от хамства нет защиты.

И на этот раз оно сильней.

Звонкие хрусталики разбиты —

Позывные доброты моей.

Только слышно, как в душе играет

На старинной скрипочке печаль.

И слова для мести выбирает,

Что забыты были невзначай.

У меня от хамства нет защиты.

Беззащитность — за какой же грех!

И опять в волнах моей обиды

Захлебнулся смех.

Ну, а хамство руки потирает.

Всё ему пока что сходит с рук.

Сколько мир от этого теряет!

Только нам сплотиться недосуг.

У меня от хамства нет защиты.

Как обидно, что в душе моей

Звонкие хрусталики разбиты.

А ведь я берёг их для людей.

Быль

На перекрёстке двух дорог

Лежал огромный рыжий дог.

Он голову на лапы положил,

Как будто бы от бега изнемог,

Так что подняться

Не хватало сил.

Водители сигналили ему,

Сбавляли скорость, проезжая мимо,

А дог лежал все так же

Недвижимо.

И лишь вблизи я понял

Почему...

И тут же у дороги на пеньке

Сидел мальчишка с поводком в руке.

Таксист о чем-то спорил с постовым.

А дог был мёртв...

Темнела кровь под ним.

По-видимому, сбил его таксист...

Не потому ли был он так речист?

И мальчик, что дружка не уберёт,

Был так же неподвижен, как и дог.

* * *

Взгляни на небо...

— Взгляни на небо... Журавли летят...

Хорошая примета, говорят.

Мы снизу наблюдали их полёт.

Они устало крыльями махали.

— Где были вы? На Мальте иль в Сахаре?

Вы слышите, как вас земля зовёт?

Но странно журавли себя вели:

Нарушив ряд, они сбивались в стаю,

Кружились над землей, не улета

И снова удалялись от земли.

Быть может, что-то волновало их?

А может быть, им отдохнуть хотелось?

Но на земле вожак не отвечал за них.

Ему для неба требовалась смелость.

И потому он показал пример —

Клин заострил, опять войдя в доверье,

И треугольник синеву обмерил,

Как пашню обмеряет землемер.

Уже давно не видно журавлей.

Но журавли летят в душе твоей.

В душе моей все журавли парят.

Хорошая примета, говорят...

Старый Крым

Марине

Мы приехали не вовремя:
Домик Грина на замке.
Раскричались что-то вороны
На зелёном сквозняке.

Домик Грина в тишине.
Я смотрю поперх калитки.
И почудилась в окне
Мне печаль его улыбки.

Нас к нему не допускают.
Нас от Грина сторожат.
И ограда зубы скалит,
Точно сорок лет назад.

Но спасибо добрым людям:
Снят замок, открыта дверь.
Не одни мы Грина любим,
Не одни скорбим теперь.

Мы заходим в домик низкий,
В эту бедность и покой.
Свечи — словноobelisks
Над оборванной строкой.

Всюду даты и цитаты.

Не изменишь ничего.

Все мы горько виноваты

Перед памятью его.

И за то, что прожил мало.

И за то, что бедно жил,

И за то, что парус алый

Не всегда нам виден был.

Думы в самолете

А мы порой живём нелепо!

И суетливо...

Потому

Я отлучаюсь часто в небо,

Чтобы остаться одному.

Чтоб вспомнить то,

Что позабылось,

Уйти от мелочных обид,

И небо мне окажет милость —

Покою душу напоит.

И я смотрю на землю сверху
Сквозь синеву,
Сквозь высоту —
И обретаю снова веру
В земную нашу доброту.

И обретаю веру в счастье,
Хотя так призрачно оно.
Как хорошо по небу мчаться,
Когда вернуться суждено.

Окончен рейс...
Прощаюсь с небом.
Оно печалится во мне.
А всё вокруг покрыто снегом,
И пахнет небом на земле.

И жизнь не так уж и нелепа.
И мир вокруг неповторим.
То ль от недавней встречи с небом,
То ль снова от разлуки с ним.

* * *

Я во сне не летаю...

Я во сне не летаю,

А падаю вниз.

Для полётов, как видно,

Года мои вышли.

Вот гора надо мной,

Словно черный карниз

У покато́й.

Окрашенной в синее крыши.

Я боюсь высоты.

Наяву.

И во сне.

И когда я лечу в бесконечную пропасть

Обрывается сон.

И приходит ко мне

Ожидание чуда

И смутная робость.

Начинается день.

Забывается сон.

Но лишь встречу тебя

Та же на сердце робость.

Улыбаешься ты.

Я как будто спасён,

Хоть опять я лечу

В бесконечную пропасть.

Авторитет

Я помню, до войны

У нас в деревне

Мы старших почитали...

А теперь

Усмешку может вызвать

Старец древний.

Старуху могут выставить за дверь.

Теперь всё по-другому

Кто моложе

Да посильнее

Тот авторитет.

Сын на отца

Уже прикрикнуть может,

Послать подальше,

Несмотря что сед.

И чья-то мать,

Когда-то просто мама,
Не знала, что дожётся
Черных дней
И кулачки,
Что к сердцу прижимала,
Вдруг силу будут
Пробовать на ней.

А мы росли
Совсем в иной морали:
Когда я в детстве
Что-то натворил,
Чужие люди уши мне надрали
И батька их за то благодарил.

Последний листок

Я иногда хочу быть одинок
Среди людей —
Как тайна между строк.

Не надо мне тогда застольных фраз,
Чужого понимания и вздоха.

Я одинок,
Как вечно одинока
Вселенная, глядящая на нас.

Я одинок.
Как одинок цветок.
Когда его срывают и уносят.

Я одинок,
Как одинока осень,
Когда последний падает листок.

Мне хорошо, когда я одинок,
Как будто в чём-то я себе помог.

* * *

Живу не так, как бы хотелось...

Живу не так, как бы хотелось.

Заели суета и быт.

И осторожность, а не смелость

Порою мной руководит.

Живу не так, как мне мечталось,
Когда я пылок был и юн.
И только музыка осталась
От тех, не знавших фальши, струн.

Живу не так, как нас учили
Ушедшие учителя.
Когда судьбу земли вручили,
О чём не ведала земля...

Живу не так...
Но, слава богу,
Я различаю свет и мрак.
И не судите слишком строго
Вы все,
Живущие не так.

Хлеб

Трудно родится хлеб.
Трудно хлеб достаётся.
Тот, кто душою слеп,
Может быть, усмехнётся.

И похочит над тем,
Как я, с достатком в доме,
Хлеб суеверно ем,
Крошки собрав в ладони.

Это живёт во мне
Память о той войне...

Горькие времена!
Худенький мальчик, где ж ты?
В сутки — лишь горсть зерна,
Триста граммов надежды.

Бабушка нам пекла
Хлеб из скупой мучицы.
Жизнь,
Что давно прошла,
В сердце моё стучится.

Хлеб нас от смерти спас.
Он и сейчас бессмертен...
Всё настоящее в нас
Этою мерой мерьте.

Те минуты

Везли по улицам Москвы

Прах Неизвестного Солдата.

Глазами скорби

И любви

Смотрели вслед мы виновато.

И в те минуты

Вся страна

Прильнула горестно к экранам.

И ворвалась в сердца война

И к молодым,

И к ветеранам.

Ко дням потерь и дням разлук

Нас память снова уносила.

И рядом с дедом плакал внук,

Ещё всего понять не в силах.

9 Мая 1981 года

И твой отец надел медали

И боевые ордена.
А мысли все его витали
В тех днях,
Когда была война.

К нему пришли однополчане:
Улыбки, слёзы, седина.
И в доме тосты зазвучали
И воцарялась тишина.

А ты не пела, не смеялась.
И уходила в боль свою.
И в этот миг тебе казалось,
Что твой любимый пал в бою.

Он был, наверно, много старше,
Но уравнили вас года.
Солдаты вспоминали павших
И снова брали города.

И пели бывшие солдаты,
Но песня их была грустна,
Как будто были виноваты,
Что ты на празднике одна.

Колокола Хатыни

Вновь иней на деревьях стынет

По синеве, по тишине

Звонят колокола Хатыни...

И этот звон болит во мне.

Перед симфонией печали

Молчу и плачу в этот миг.

Как дети в пламени кричали!

И до сих пор не смолк их крик.

Над белой тишиной Хатыни

Колокола — как голоса

Тех,

Что ушли в огне и дыме

За небеса.

"Я — Анна, Анна, Анна!" — издалека...

"О где ты, мама, мама?" — издалека...

Старик с ребёнком через страх

Идёт навстречу.

Босой.

На бронзовых ногах.

Увековечен.

Один с ребёнком на руках.

Но жив старик.

Среди невзгод,

Как потерявшийся прохожий.

Который год, который год

Из дня того уйти не может.

Их согнали в сарай,

Обложили соломой и подожгли.

149 человек, из них 76 детей,

Легло в этой жуткой могиле.

Он слышит: по голосам —

Из автомата.

По детским крикам и слезам —

Из автомата.

По тишине и по огню —

Из автомата...

Старик всё плачет.

Не потому, что старый.

А потому, что никого не осталось.

Село оплакивать родное

Идёт в сожжённое село.

По вьюгам, ливням и по зною

Несёт он память тяжело.

Ему сюда всю жизнь ходить.

И до последних дней

149 душ хранить

В душе своей.

Теперь Хатынь — вся из гранита —

Печально трубы подняла...

Скрипят деревья, как калитка,—

Когда ещё здесь жизнь была.

Вновь иней на деревьях стынет.

По синеве, по тишине

Звонят колокола Хатыни.

И этот звон болит во мне...

Годовщина победы

Б. Н. Полевому

— Ну, что ты плачешь, медсестра?

Уже пора забыть комбата.

— Не знаю...

Может и пора. —

И улыбнулась виновато.

Среди веселья и печали

И этих праздничных огней

Сидят в кафе однополчане

В гостях у памяти своей.

Их стол стоит чуть-чуть в сторонке.

И, от всего отрешены,

Они поют в углу негромко

То, что певали в дни войны.

Потом встают, подняв стаканы,

И молча пьют за тех солдат,

Что на Руси

И в разных странах

Под обелисками лежат.

А рядом праздник отмечали

Их дети —

Внуки иль сыны,

Среди веселья и печали

Совсем не знавшие войны.

И кто-то молвил глуховато,

Как будто был в чём виноват:

— Вон там в углу сидят солдаты —

Давайте выпьем за солдат...

Все с мест мгновенно повскакали,

К столу затихшему пошли —

И о гвардейские стаканы

Звенела юность от души.

А после в круг входили парами,

Но, возымев над всеми власть,

Гостей поразбросала «барыня».

И тут же пляска началась.

И медсестру какой-то парень

Вприсядку весело повёл.

Он лихо по полу ударил,

И загудел в восторге пол.

Вот медсестра уже напротив
Выводит дробный перестук.
И, двадцать пять годочков сбросив,
Она рванулась в тесный круг.

Ей показалось на мгновенье,
Что где-то виделись они:
То ль вместе шли из окруженья
В те злые памятные дни,

То ль, раненого, с поля боя
Его тащила на себе.
Но парень был моложе вдвое.
Пока чужой в её судьбе.

Смешалось всё —
Улыбки, краски.
И молодость, и седина.
Нет ничего прекрасней пляски,
Когда от радости она.

Плясали бывшие солдаты,
Нежданно встретившись в пути
С солдатами семидесятых,

Ещё мальчишками почти.

Плясали так они, как будто
Вот-вот закончилась война.
Как будто лишь одну минуту
Стоит над миром тишина.

Полной мерой

Когда вас по глупости кто-то обидит,
Примите обиду легко и достойно,
Как шумного гостя
В домашнем застолье,
И вашей обиды никто не увидит.

Не стоит на мелочи тратить здоровье.
Смахните их шуткой,
Запейте их чаем.
Не эти обиды нам жизнь сокращают,
Не эти обиды смываются кровью.

Вот если к вам друг позабудет дорогу,
Когда ваша карта окажется битой,
И сердце займётся тяжелой обидой,

И голос,
И взгляд ваш не скроют тревогу,
Тогда пусть воздастся за всё
Полной мерой!

Не стройте иллюзий,
Не прячьте обиды.
За всё в этой жизни
Должны мы быть квиты —
За счастье с добром
И за подлость с изменой.

* * *

Как важно вовремя уйти...

Как важно вовремя уйти.

Уйти,
Пока режут трибуны.
И уступить дорогу юным,
Хотя полжизни впереди.

На это надо много сил —

Уйти
Под грустный шепот судей.
Уйти,

Покуда не осудят
Те, кто вчера боготворил.

И лишь соперник твой поймёт,
Сорвав удачливые кеды,
Что был великою победой
Тот неожиданный уход.

В мастерской скульптора

Я не знаю, как ты всё постиг:
Бронзы грусть и мрамора веселье.
Проступает в камне женский лик,
Будто бы в окне рассвет весенний
Я не знаю, что тебе дороже:
Тайна мысли иль улыбки миг.
Сколько лиц...
А лик один и тот же.
Все один и тот же женский лик.
Видимо, резец твой заколдован.
Видно, камень у тебя такой,
Что бы ни работалось
И снова
Женский лик под ласковой рукой.
Проступает в камне женский лик.
Боль его —

Твоей любви начало.
Словно в камне музыка звучала,
А до нас донёсся только крик.

* * *

Откуда эта в нём гордыня?

Откуда эта в нём гордыня?

Взгляд свысока.

В усмешке рот.

Ну, понимаю.

Было б имя.

Или ума невпроворот.

А то ведь кроме кабинета

И чина

Мало что и есть.

Но, к сожалению, за это

Ему оказывают честь.

И лесть замешивают в речи.

Готовы гнуться пополам.

И всё при нем:

Больная печень,

Машина,

Дурь

И фимиам.

Друг познаётся в удаче

О. Кому

Друг познаётся в удаче

Так же порой, как в беде.

Если он душу не прячет

Чувства не держит в узде.

Друг познаётся в удаче.

Если удача твоя

Друга не радует, — значит,

Друг твой лукав, как змея.

Или же горькая зависть

Разум затмила его,

И, на успех твой позарясь,

Он не простит ничего.

Он не простит...

Но иначе

Скажет об этом тебе.

Друг познаётся в удаче

Больше порой, чем в беде.

Взаимность

Ты долгое время
Считала наивно,
Что всё в этой жизни
Должно быть взаимно.

Взаимной должна быть твоя доброта...

Но щедрость,
С которой ты ею делилась,
Порою тебя повергала в немилость
У тех,
Для кого ты старалась всегда.

И годы наивность поправили мудро:

Не могут взаимны быть
Вечер и утро.
И радость и горе.
И правда и ложь.
Доверье и хитрость.
Улыбка и нож.

А время спешит и проносится мимо.

И в этом оно бесконечно взаимно.

Как наша любовь

И как наша печаль,

Как «Здравствуй»,

Когда далеко до «Прощай»...

* * *

Поэзия жива своим уставом...

Поэзия жива своим уставом.

И если к тридцати не генерал,

Хотя тебя и числят комсоставом,

Но ты как будто чей-то чин украл.

Неважно, поздно начал или рано,

Не всё зависит от надежд твоих.

Вон тот мальчишка — в чине капитана,

А этот старец ходит в рядовых.

Пусть ничего исправить ты не вправе,

А может, и не надо исправлять.

Одни идут годами к трудной славе.

Другим всего-то перейти тетрадь.

Бессонница

От обид не пишется,
От забот не спится.
Где-то лист колыхнется
Пролетела птица.

Из раскрытых окон
Полночь льётся в комнату.
С неба белый кокон
Тянет нити к омуту.

Искупаюсь в омуте,
Где кувшинки плавают.
Может, что-то вспомнится,
Что, как встарь, обрадует.

А рассвет займётся
Может, все изменится.
В душу свет прольётся.
Ночь моя развеется.

Друг не ждал

Р. Чарыеву

Это правда:

Чтобы долго жить,
Надо чаще видеться с друзьями.
Я всё продолжаю мельтешить
Встречами, поступками, стихами.
Но однажды брошу все дела,
Сяду в самолет «Аэрофлота»...

Друг не ждал.

Душа его ждала,
Веря в неожиданность полёта.
Так же побросав свои дела,
Соберутся милые мне люди.
Около весёлого стола
Мы о дружбе говорить не будем.

Только память станет ворошить
Те слова, когда вернусь до дому.
Не затем,
Чтоб после долго жить.
Просто жить не стоит по-другому.

Чёрный лебедь

Ещё одной звезды не стало.

И свет погас.

Возьму упавшую гитару.

Спою для вас.

Слова грустны.

Мотив не весел,

В одну струну.

Но жизнь,

Расставшуюся с песней,

Я помяну.

И снова слышен хриплый голос.

Он в нас поёт.

Немало судеб уколось

О голос тот.

И над душой — что в синем небе

Не властна смерть.

Ах, чёрный лебедь,

Хриплый лебедь,

Мне так не спеть.

Восходят ленты к нам и снимки,
Грустит мотив.
На чёрном озере пластинки
Вновь лебедь жив...

Наполеон

Никем не встреченный, нежданный
Примчался он тайком в Париж.
Но ни восторгов барабанных,
Ни ликований — только тишь.

И, вспоминая Ватерлоо.
Метался в гневе до зари.
И словно траур по былому.
Темнел печально Тюильри.

Уже отряхивал колена
Мир, ненавидевший его,
Что отомстит Святой Еленой
За то бывшее торжество,

Когда кумир ногами топал

В нетерпеливости своей.
И вся монаршая Европа
Толпилась в страхе у дверей.

...Министр полиции Фуше,
Посол его придворной черни,
Злорадно радуясь в душе,
Ждёт от кумира отречения.

Но что-то медлит узурпатор.
Всегда в своих решеньях скор.
На самый горький свой парад он
Придёт прочесть им приговор.

И в руки радостному гному
Его вручит. И ахнет враг,
Как от великого к смешному
Он сделает последний шаг.

Ватерлоо

Так вот оно какое, Ватерлоо!
Где встретились позор и торжество.
Британский лев грозит нам из бывшего

С крутого пьедестала своего.

Вот где-то здесь стоял Наполеон.

А может быть, сидел на барабане.

И шум сраженья был похож: на стон,

Как будто сам он был смертельно ранен.

И генерал, едва держась в седле,

Увидел —

Император безучастен.

Он вспомнил вдруг,

Как на иной земле

Ему впервые изменило счастье.

Я поднимаюсь на высокий холм.

Какая ширь и красота для взора!

Кто знал,

Что в этом уголке глухом

Его ждало бессмертие позора.

Другу юности

Непишущий поэт — осенний соловей...

Как отыскать тебя среди густых ветвей?

И как истолковать твое молчанье?

От радости оно или с отчаянья?

Я помню, как ты плакал над строкой,
Не над своей, а над чужой посмертною.
Я в нашу юность за тобой последую.
Ты душу мне тревогой успокой.

Для нас иное время настает.
Я знал тебя веселым и задиристым.
Ты говорил: «Вот погоди, мы вырастем,
Дотянемся до самых высших нот».

А ноту, что назначена тебе,
Другим не взять — ни журавлям, ни соколам,
Не покоряйся лени и судьбе,
А покори-ка ноту ту высокую.

Мне твой успех дороже всех похвал.
Лишь только бы звучал твой голос снова.
Тебя твой дар в такую высь призвал,
Где нету ничего превыше слова.

Ты вернулась

Ты вернулась через много лет.

Ты пришла из дней полузабытых.

Молчаливо наложив запрет

На мои вопросы и обиды.

Мы с тобой расстались в жизни той,

Где цветы и звёзды не погасли.

— Сколько лет, а ты всё молодой!

— Сколько лет, а ты ещё прекрасней!

Мы с тобой друг другу честно лжём,

Потому что рады этой встрече,

Потому что долго на земле живём,

Знаем, как важны порою речи.

Потому что ни обид, ни бед

Никогда не вспоминает юность.

Потому что через столько лет

Ты ко мне из прошлого вернулась.

Жалею зверей

Жалею зверей в зоопарке.

И в цирке мне жалко зверей.

Как люди на зрелища падки!

Когда же мы станем добрей?

И лев уже ходит под кличкой.

Барьер на манеже берёт.

И царскую гордость публично

Меняет на бутерброд.

А некто, войдя к ним в доверье,

Устроил аттракцион:

И в пасть онемевшему зверю

Суёт свою лысину он.

Лев нежно обходится с нею.

И, занятый скучной игрой,

Он кажется много умнее,

Чем этот манежный герой.

Жалею зверей в зоопарке.

У неба украденных птиц.

Вон той молодой леопардке

Всё хочется клетку открыть.

Не терпится выйти на волю.
Вернуться в былую судьбу.
Но приступы гнева и боли
Весьма забавляют толпу.

Ей дети бросают конфетки.
Наверно, жалеют её.
За что красота эта в клетке?!
И в чём провинилось зверьё?

Я взглядом встречаюсь с гориллой.
В глазах у гориллы упрёк:
"Я предков тебе подарила
А ты нас в неволю упёк".

И вдруг осенил меня предок
Печальной догадкой своей:
"Ведь им безопасней из клеток
Сосуществовать с миром людей".

Последний штрих

У каждого своя судьба.
Не рок и не веленье бога,

А просто долгая дорога

Или короткая тропа.

Где на обочине цветы

Иль злые заросли крапивы.

Мы все в пути нетерпеливы.

Когда до счастья полверсты.

Когда до счастья только миг.

Последний штрих,

Рывок последний,

А может, только взгляд ответный

Иль новорожденного крик.

Ты верь в свою судьбу, мой друг.

Она приходит на рассвете

За чей-то стол

Иль в чьи-то сети.

Ей ждать ленивых недосуг.

А потому запомни впредь

Судьба лишь с сильными поладит.

Иначе жизни всей не хватит

Ту стометровку одолеть.

Хитрость

Не люблю хитрецов.

Не умею хитрить.

Не могу дурака

Похвалой одарить.

Не умею молчать,

Если сердце кипит.

Не меняю на выгоду

Горьких обид.

Можно хлеба краюху

Делить пополам.

оловину души

Никому не отдам.

Отдавать — так уж всю,

Без остатка, до дна.

Потому что, как жизнь,

Неделима она.

Не люблю хитрецов,

Не умею хитрить.

Что подумал о ком-то,
Могу повторить.

Всё могу повторить,
Глядя прямо в глаза.
Если б так же всегда
Поступали друзья...

Когда душа в печали

Опять за тёмными очками
Я не увидел ваших глаз.
И недосказанность меж нами
Незримо разлучает нас.

А может, вы нарочно прячете
Свои глаза...
Не дай-то бог,
Чтоб кто-то их увидеть мог.
Когда грустите вы иль плачете.

Но вы словам моим не вняли,
Ушли за тёмные очки,
Боясь,

Когда душа в печали,
Чужого взгляда иль руки.

Номенклатура счастья

Ответственность за слово —
Выше слов,
Не найденых пока
Или звучащих, —
Как сердцу слаще
Ожиданье счастья,
Когда оно ещё во власти снов.

Для жизни нашей,
А не для бессмертья
Работают в поэзии друзья.
Поэт всегда —
Номенклатура сердца.
И снять его
С той должности нельзя.

Ответственность за слово —
Выше фраз,
Которые мы говорим при этом.
Вот почему я музе вечно предан.

Она, как друг,
Приходит в нужный час.

Ответственность не поделить на части.
Ведь с каждым счеты у неё свои.
А мой пегас —
Номенклатура счастья.
Всю жизнь он скачет улицей любви.

Уходят годы

Ю. Папорову

Я иногда спохватываюсь вдруг:
Уходят годы —
Сделано так мало.
А жизнь меня и била и ласкала.
Но оглянуться вечно недосуг.

И суета —
Что океан за бортом...
У каждого из нас такой режим,
Что мы сперва принадлежим заботам,
А уж потом себе принадлежим.

И как бы ни сложилась жизнь вначале,
И что б ни ожидало нас потом, —
Благословляю все её печали,
Рассвет и вечер
За моим окном.

Низами

Твоя душа всегда с людьми,
Великий брат наш — Низами...
Не оттого ли ты велик,
Что мудрость времени постиг,
Что слёзы бедных осушал,
От злобы сильных не бежал?

Не оттого ли ты велик,
Что был надеждой для людей.
И от твоих бессмертных книг
И мы сильнее, и мы добрей?

Поэт не может не страдать,
Когда страдал его народ.
Ни лесть, ни ложь, ни благодать
Лишь правда за сердце берёт.

Твоя душа в стихах болит...

И — давний слышится мотив. —

Ты жил среди горя и обид,

Судьбу стихами оплатив.

Не потому ли ты велик,

Что мудрость времени постиг...

Утраты

Евг. Богату

Мы что-то утратили

В жизни своей...

Хотя так же матери

Ждут сыновей.

По-прежнему дети

Нас учат добру.

По-прежнему светел

Мой лес поутру.

И те же красоты
У белой зимы...
И все-таки что-то
Утратили мы.

Утратили что-то
В других и в себе.
По сердцу работа,
А мысль о рубле.

По сердцу невеста,
Но будущий зять
С ней теплое место
Надеется взять.

Мы были добрее.
Наивней подчас...
А может быть, время
Меняется в нас?

Но так же доверчивы
Те, что пришли.
Делить-то нам нечего.
Кроме души.

Обида

Я этой истиной избитой
Кого сумею поразить?

Слова, рождённые обидой,
Не торопись произносить.

Не торопись обидеть друга
Несправедливостью своей,
Загнать его внезапно в угол,
Хоть он нисколько не слабей.

Он просто чуточку добрее.
Он молча ярость переждёт.
И чем остынешь ты скорее,
Тем горше будет твой отход.

И стыд тогда в тебе проснётся.
С ним расставаться не спеши.
А друг лишь грустно усмехнётся.
Как слёзы,
Кровь смахнет с души.

Женщины

Видел я, как дорогу строили.

В землю камни вбивали женщины.

Повязавшись платками строгими,

Улыбались на солнце жемчугом.

И мелькали их руки медные,

И дорога ползла так медленно.

Рядом бегал прораб довольный,

Руки в брюках, не замозолены.

— Ну-ка, бабоньки! Раз-два, взяли! —

И совсем ничего — во взгляде.

Может, нет никакой тут сложности?

Человек при хорошей должности.

Среди них он здесь вроде витязя...

Ну а женщины — это ж сменщицы,

Не врачи, не студентки ГИТИСа.

Даже вроде уже не женщины,

А простые чернорабочие,

В сапожищи штаны заправлены.
А что камни они ворочают,
Видно, кто-то считает правильным.

Всё рассчитано у прораба:
Сдаст дорогу прораб досрочно.
Где-то выше напишут рапорт.
Вгонят камень последний бабы,
Словно в рапорт поставят точку.

Но из рапорта не прочтут
Ни газетчики, ни начальство,
Как тяжёл этот женский труд,
Каково оно, бабье счастье.

Как, уставшие насмерть за день,
Дома будут стирать и стряпать.
От мозолей, жары да ссадин
Руки станут как старый лапоть.

Мы вас, женщины, мало любим,
Если жить вот так позволили.
Всё должно быть прекрасно в людях.
Ну, а в женщинах и тем более.

Не хочу, чтоб туристы гаденько
Вслед глядели глазами колкими,
Аппаратами вас ощелкивали:
"Вот булыжная, мол, романтика..."

Мы пути пролагаем в космосе,
Зажигаем огни во мгле.
И порою миримся с косностью
На земле.

У могилы Н. Н. Пушкиной

"Здесь похоронена Ланская..."
Снега некрополь замели.
А слух по-прежнему ласкает
Святое имя — Натали.

Как странно, что она — Ланская.
Я не Ланской цветы принёс,
А той, чей образ возникает
Из давней памяти и слёз.

Нам каждый день её был дорог
До той трагической черты,

До Чёрной речки, за которой
Настало бремя суеты.

Как странно, что она — Ланская.
Ведь вслед за выстрелом сама
Оборвалась ее мирская,
Её великая судьба.

И хорошо, что он не знает,
Как шли потом её года.
Она фамилию сменяет,
Другому в церкви скажет "да".

Но мы её не осуждаем.
К чему былое ворошить.
Одна осталась — молодая.
С детьми, а надо было жить.

И всё же как-то горько это.
Не знаю, чья уж тут вина,
Что для живых любовь поэта
Так от него отдалена.

Из прошлого

О друге своём узнаю от других.

Он мечется где-то

Меж дел и свиданий.

И дружба моя —

Как прочитанный стих —

Уже затерялась среди новых изданий.

О друге своём узнаю из газет.

Он мимо глядит

С популярной страницы.

Ну что же, на «нет»

И суда вроде нет.

Не пивший вовек,

Я хочу похмелиться.

О друге своём вспоминаю порой.

Читаю открытки его и записки.

Но кто его тронет —

Я встану горой,

Поскольку священны у нас обелиски.

* * *

В нас любящие женщины...

В нас любящие женщины

Порою

Находят добродетелей запас.

Мы в их глазах

То боги, то герои...

А их сердца —

Как пьедестал для нас.

Как будто мы и вправду так красивы

И так мудры.

Скорей, наоборот,

Но никакие доводы не в силах

Столкнуть нас

С незаслуженных высот,

Пока не сгонит разочарованье —

И всё в обычном свете предстаёт.

А бывший «бог»,

Улегшись на диване,

Других высот

Уже не признаёт.

О, как же надо и любить и жить,

Чтоб пьедесталы не давали трещин,

Чтобы высоты в сердце заслужить

И быть достойным

Заблуждений женщин.

Другой отсчет

Нельзя небрежно жить.

Забывчиво дружить.

Небрежность — это лень.

Душевная бестактность.

Уже который день

Вхожу с тобой в контакты.

А ты со мной небрежна.

Как будто даришь мне

Последнюю надежду

Побыть наедине.

Среди прекрасных комнат,

Как старенький мотив,

Меня случайно помнят,

Умышленно забыв.

Придет иное время

И все перечеркнет.

И старой дружбы бремя

Начнет другой отсчет.

Запретная зона

Весенний рябиновый запах

Тревожит мне душу порой.

Хотел бы попасть

Я в твой замок,

Да сердце

Забыло пароль.

Запретная зона обиды

Наш мир поделила опять.

Уж лучше

Короткая битва,

Чем снова

В осаде стоять.

Но мчится к нам

Станный гонец

Поведать.

Что сказке конец.

Начало апреля

Сквозь снегопад

Пробилось утро.

Деревья тихие стоят.

Как бы догадываясь смутно,

Что скоро

Им менять наряд.

И средь пленительного бега

Мы общей радости полны.

Из царства трепетного снега

Вступаем в царство тишины.

А ты летишь на быстрых лыжах

В безмолвье леса —

Наугад.

И я тебя уже не вижу

Сквозь снегопад.

Сквозь снегопад.

Взрослые и дети

Мы не похожи на своих детей.

Как жаль,
Что на детей мы не похожи.
Они не просто трижды нас моложе, —
Они честней в наивности своей.

Мы изменяем детству своему.
И всё,
Чем в детстве так душа богата,
Потом в себе мы прячем виновато.
Едва ли понимая —
Почему.

Как жалко, что мы с детством разлучились.
И наши дети этот путь пройдут, —
Восторг они заменят на учтивость,
Доверчивости хитрость предпочтут.

Природа нам оказывает милость:
Мы в детях повторяемся своих...
Но не об этом мой наивный стих.
Хочу,
Чтобы в нас детство повторилось.

Решающий момент

Как горько обмануться в друге!
Как больно после стольких слов
Душой почувствовать засов,
Которым щёлкнули в испуге,
Чтобы в решающий момент
В ответ на преданность и битвы
Воздать привычный комплимент,
И посчитать, что этим квиты.
Когда свой собственный престиж
И свой покой всего дороже...

Что ж ты от боли не кричишь?
Или кричать уже не можешь?
А может, снова всё простишь...

* * *

Через столько лет...

Через столько лет
На той же улице
Мы нежданно
Встретились в толпе.
Ты успела
Чуточку нахмуриться.
Я успел

Подумать о тебе.

Ты успела

Быстро оглянуться.

"Боже мой..." —

Я прошептал вдали.

Может, надо было

Нам вернуться?

Но друг друга

Мы бы не нашли.

Аварийное время любви

Твои смуглые руки

На белом руле.

Аварийное время

Сейчас на земле.

Аварийное время —

Предчувствие сумерек.

В ветровое стекло

Вставлен синий пейзаж.

Выбираемся мы

Из сигналящих сутолок.

И дорога за нами —

Как тесный гараж.

В чей-то город под нами

Спускается солнце.

Угасает на небе

Холодный пожар.

Аварийное время

Навстречу несётся,

Как слепые машины

С бильмом вместо фар.

От себя убежать

Мы торопимся вроде.

Две тревожных морщинки

На гретхенском лбу.

На каком-то неведомом нам

Повороте

Потеряли случайно

Мы нашу судьбу.

Аварийное время

Настало для нас.

Вот решусь

И в былое тебя унесу я.

Ты в азарте летишь

На нетронутый наст.

И колеса сейчас,

Как слова, забуксуют.

Аварийное время

Недолгой любви.

Все трудней и опаснее

Наше движенье.

Но не светятся радостью

Очи твои,

Словно кто-то в душе

Поменял напряженье.

Светофор зажигает

Свой яростный свет.

Подожди.

Не спеши...

Мы помедлим немного.

Будет жёлтый ещё.

Это «да» или «нет»?

Пусть ответит дорога.

Открыться людям

Ещё не спел я главной песни,

Хотя прошло немало лет.
И я взошёл на ту из лестниц,
Откуда дальше хода нет.

Успею или не успею
Открыться людям до конца?
Чтоб рядом с песнею моею
Добрели взгляды и сердца.

"Успеешь...—
шелестят страницы. —
И не казись пустой виной..."

Быть может, что-нибудь
Продлится
В душе людей,
Воспетых мной?

Поэт

П. Неруде

Что в нашей жизни,
Словно в минном поле,

Ты ищешь настороженной строкой?
Рискуя между гибелью и болью,
Когда вдруг ахнет мина под ногой.

Гремят,
Гремят неслышимые взрывы.
Невидимые падают враги.
А ты идешь по краешку обрыва.
На поводу у собственной строки.

У ног то ярость высекает пламя,
То ложь тебя готова подорвать.
И ты опять взрываешься над нами.
И ран твоих уже не сосчитать.

Сапёры ошибаются так редко.
А ты как будто лезешь на рожон.
И жизнь твоя
Как в минном поле метка,
Куда лишь смелым доступ разрешён.

Как жаль

Как жаль,

Я не узнал твой голос.

Ты позвонила мне из автомата

И назвала тот знаменитый город,

В котором вместе были мы когда-то.

Ты позвонила поздно —

Где-то в полночь.

И долго я не мог понять

И вспомнить —

Кто мне звонит.

Досадовал вначале,

А голос соткан был из пауз

И печали.

Ты говорила что-то о природе,

Что этот чудный край неповторим.

Я в голосе твоём

Как в хитром коде

Искал ключи к иным словам твоим.

Ты говорила, что была так рада

Уехать,

Чтоб одной вдали побыть.

А я услышал:

"Я хочу обратно..."

Неужто ты успел меня забыть?"

Двести лет спустя

В присутствии дамы четыре поэта
Себя мушкетёрами ей объявили.
Глаза её
Всех четырёх вдохновили,
И тут же была она в тостах воспета.

В любви объясняются ей мушкетёры.
А дама о чём-то грустит, улыбаясь...
И мудрый Атос,
Как подраненный аист,
В улыбке её не находит опоры.

Шампанское кровь и беседу нагрело.
Как шпаги,
Блистают весёлые взгляды,
И этой игре они искренне рады,
Где ревность без боли,
И шутки без гнева.

О, как восхитительны эти поэты!
Она улыбается, глядя им в лица.
И всё это было не с кем-то, не где-то,

А всё это с нею сумело случиться.

Не видно в игре никакого изъяна,

Хотя отклонились они от сюжета.

И нет ни Констанции.

Ни д'Артаньяна.

А есть лишь четыре влюблённых поэта.

Она поздним вечером с ними простится.

И всем пожелает добра и удачи...

И всё же Констанцией в дом возвратится

И ночью о том,

О четвёртом, заплачет...

Перед тобою

В тебе есть что-то неземное.

Ты не из нашей суеты,

И что случается со мною.

Когда ко мне приходишь ты?

В тебе есть что-то неземное.

Ты —

Словно ангел меж людьми.

И я души твоей не стою,

Не стою я твоей любви.

В тебе есть что-то неземное.
Возьми меня в свою страну.
Перед тобою и собою
Я искуплю свою вину.

Увожу твоё обещанье

Две монеты мы в море бросим,
Чтоб вернуться вдвоём сюда.
Ждёт тебя золотая осень,
Ждут меня холода.
Возвращаюсь в своё ненастье,
Чтоб о солнце твоём грустить.
Не дано ещё людям власти
Юг и Север соединить.
Поцелуй меня на прощанье.
Вытри слёзы и улыбнись.
Увожу твоё обещанье.
Оставляю мольбу:
"Вернись..."

Мелодия моря

Я слышу,

Как Чёрное море вздыхает.
Со мною грустит о тебе.
А дождь за окном
То шумит, то стихает.
И роза дрожит на стебле.

Я слышу,
Как Чёрное море тоскует
И бьется о душу мою.
И волны,
Как старые карты, тасует.
Надежду сажает в ладью.

Я слышу,
Как Чёрное море играет,
В бессмертные трубы трубя.
Как будто меня
Своей песней карает
За то, что я здесь
Без тебя.

В бильярдной

Г. Поженяну

Здесь, в бильярдной,
Всё полно тобою.
Полно острот,
Ударов,
Суеты...
Зелёное сукно
Как поле боя.
Где жизнь свою
Разыгрываешь ты.

Ждет проигрыш тебя
Или победа? Но ставки высоки,
Как имена.
И гений сцены ставит на поэта,
Как будто на поэтов есть цена.

Вокруг стола вышагивая круто,
Ты держишь кий,
Как грозное копье.
Последний шар.
И долгая минута.
И долгая надежда на неё.

Разинув рты.
Своих шаров ждут лузы.
И вот он, твой
Решающий удар...

За время,
Что украдено у Музы.
Ты вновь получишь
Крупный гонорар.

О, как горьки все эти гонорары!
Пособие от дьявольской игры
За те стихи, что не берут журналы,
За те стихи.
Что, словно кий.
Остры.

Но вдруг, поняв моё недоуменье,
Ты говоришь:
"Хочу с тобой сыграть...
Как видишь, продаётся вдохновенье.
Коль невозможно рукопись продать...»

Женщина уходит из роддома

Уходит женщина от счастья.
Уходит от своей судьбы.
А то, что сердце бьётся чаще, —
Так это просто от ходьбы.

Она от сына отказалась.
Зачем он ей в семнадцать лет!
Не мучат страх её и жалость.
Лишь только няни смотрят вслед.

Уходит женщина от счастья
Под горький ропот матерей.
Её малыш — комочек спящий —
Пока не ведаёт о ней.

Она идёт легко и бодро,
Не оглянувшись на роддом.
Вся в предвкушении свободы,
Что опостылет ей потом.

Но рухнет мир, когда среди ночи
Приснится радостно почти
Тот тёплый ласковый комочек,
Сопевший у её груди.

Декабрь—80

Нелегко сейчас земле моей

Ей давно бы надо спать под снегом.
Но декабрь теперь —
Пора дождей.
Что там происходит
С нашим небом?

Скоро Новый год,
А за окном
Тусклая осенняя погода.
Ночью — дождь.
И так же будет днём.
Может, поменяли время года?

Снег еще белеет под Москвой,
Но и он доверья не внушает.
Лес шумит пожухлою листвою,
Теплый ветер по оврагам шарит.

Около портрета
Камеристки Инфанты Изабеллы
Петера Пауля Рубенса

Смотрю на портрет камеристки
Она молода и строга.
Смотрю без надежды и риска

Меж нами века и века.

Глядит она гордо и грустно.

И думает что-то своё.

Но словно бы все мои чувства

В глазах отразились её.

И что-то её беспокоит

И мучает, видно, давно.

Как будто бы видит такое,

Что нам увидеть не дано.

Монолог женщины

Ты во мне свой образ разрушаешь,

Разрываешь между нами нить.

И словами по былому шаришь,

Словно хочешь свет нам возвратить.

Ты во мне свой образ разрушаешь.

Я тебя теряю... Ты — меня.

Будто жизнь у нас с тобой чужая,

Из чужих признаний, из чужого дня.

Возврати меня к былому счастью.

И себя, ушедшего, — верни...

Жизнь моя не делится на части.

И свою делить повремени.

Мираж

Гроза над морем отгремела.

И солнце растопило тьму.

Куда исчез твой парус белый?

Опасно в море одному.

А с этой отмели песчаной

Лишь даль прохладная видна.

И тихой музыкой прощальной

Звучит над отмелью волна.

Я поплыву искать твой парус

На этом стареньком челне.

И если я с волной не справлюсь,

Не думай плохо обо мне.

* * *

Среди печали и утех...

В. Амлинскому

Среди печали и утех

Наверно, что-то я не видел.

Прошу прощения у тех,

Кого нечаянно обидел.

Когда бы это ни случилось —

Вчера лишь... Иль давным-давно, —

Ушла обида иль забылась, —

Прошу прощенья все равно...

Прошу прощенья у любви —

Наедине, не при народе, —

Что уходил в стихи свои,

Как в одиночество уходят.

И у наставников своих

Прошу прощенья запоздало,

Что вспоминал не часто их,

Затосковал, когда не стало.

А вот у ненависти я
Просить прощения не стану.
За то, что молодость моя
Ей доброту предпочитала.

Не удивляйтесь, что сейчас,
Когда судьба мне время дарит,
Прошу прощения у вас.
Но знаю я — последний час
Обычно не предупреждает...

Твой образ

Не читай моих писем,
Не трави себе душу.
Ты сожги эти письма.
И останься одна.
Одиночества я твоего не нарушу,
Не бросайся к звонкам
И не стой у окна.

Не впадай в искушенье,
Призови свою робость.
"Что случилось?" —
Ты спросишь себя вдалеке.

Я придумал тебя.
И поверил в твой образ.
И теперь расстаюсь с ним
В слезах и тоске.

Прощай

Ты моложе моих дочерей...
Потому мне так горько
И грустно,
Что в душе несмышленной твоей
Просыпается первое чувство.

Ты моложе моих дочерей...
На влюбленность твою не отвечу.
Только утро
У жизни твоей,
А в моей
Уже близится вечер.

Не казни в себе эту печаль.
Без меня свои праздники празднуй.
Говорю тебе тихо: "Прощай..."
Не успев даже вымолвить: "Здравствуй..."

Это ветер

Я не тебя вначале встретил,
А голос твой...
Но я не знал.
Он не спросил и не ответил...
Заворожил и вдруг пропал.

Я не тебя,
А смех твой встретил,
Похожий на лазурный плеск.
Он был и радостен и светел.
Заворожил и вдруг исчез.

И лишь потом тебя я встретил.
О, как была ты молода!
Но понял я.
Что это ветер
Заворожил меня тогда.

Памяти Хамзы

Куда бы ни вела меня дорога,
Какие книги ни легли б на стол,
Но в мудрости великого Востока
Я мудрость для души своей обрёл.

Перед бедой не опускаю руки,
Перед врагом не отведу глаза.
Хочу быть сильным в горе и в разлуке.
Меня научит мужеству Хамза.

Во мне живёт о нём святая память.
В глазах моих о нём слеза дрожит.
И пусть ложатся годы между нами,
Бессмертье их ему принадлежит.

* * *

Не ссорьтесь, влюбленные...

Не ссорьтесь, влюбленные.

Жизнь коротка.

И ветры зеленые

Сменит пурга.

Носите красавиц

На крепких руках.
Ни боль и ни зависть
Не ждут вас впотьмах.

Избавьте любимых
От мелких обид,
Когда нестерпимо
В них ревность болит.

Пусть будет неведом
Вам горький разлад.
По вашему следу
Лишь весны спешат.

По вашему следу
Не ходит беда.
...Я снова уеду
В былые года.

Где были так юны
И счастливы мы.
Где долгие луны
Светили из тьмы.

Была ты со мною

Строга и горда.

А все остальное

Сейчас — как тогда:

Те же рощи зеленые,

Те же снега.

Не ссорьтесь, влюбленные.

Жизнь коротка.

Размолвка

Уходи! Не держу... Отпусти мою душу,

Как грехи отпускали у нас в старину.

И хотя кто-то третий все к черту нарушил,

На себя я приму и печаль, и вину.

Не прошу у судьбы ни покоя, ни смерти.

А прошу справедливости только в одном:

Кто во имя любви все поймет и все стерпит,

Тот живет и минувшим, и будущим днем.

Все равно никуда не уйти от бывшего,

Даже в самые светлые ночи твои.

Между мной и тобой встанет прошлое слово,

Запоздалые слезы и память любви.

Я тебя никогда и ничем не унижу.

Не мужское занятие любовь унижать.

Мы чем дальше с тобой друг от друга —

Тем ближе

Все, что в нас,

От чего ты хотела бежать.

Не спеши уходить... Отпусти мою душу.

Пусть в судьбе твоей будет всегда благодать.

Мы грозу переждем. И ненастье, и стужу.

Но былое, наверное, нельзя переждать.

Три поколения

Как мало тогда нам исполнилось лет.

По нашим знаменам струился рассвет.

И молодость наша — как песня была.

Потом эта песня нас в бой подняла.

Ты мне приколола у сердца звезду.

Ты мне говорила: "Я тоже пойду..."

И воздух от взрывов был сер и тяжёл.

Вот так начинался для нас комсомол.

Как мало тогда нам исполнилось лет.

Война погасила июньский рассвет.

Мы снова оставили наши дела.

И снова нас песня в поход повела.

Не знали мы, кто возвратится назад.

На горькой земле обелиски стоят.

Как мало еще нам исполнилось лет.

И вечная молодость. Старости нет.

И жизнь наша с вами — ещё целина.

Добра и надежды взошли семена.

И прожитый день — это верность отцам.

И память с мечтою у нас пополам.